

**Ministry of Science and Higher Education
of the Republic of Kazakhstan**

**EURASIAN JOURNAL OF CURRENT
RESEARCH IN PSYCHOLOGY
AND PEDAGOGY**

Scientific journal

**ПСИХОЛОГИЯ ЖӘНЕ ПЕДАГОГИКА САЛАСЫНДАҒЫ
ЕУАЗИЯЛЫҚ ӨЗЕКТІ ЗЕРТТЕУЛЕР ЖУРНАЛЫ**

Ғылыми журнал

**ЕВРАЗИЙСКИЙ ЖУРНАЛ АКТУАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
В ОБЛАСТИ ПСИХОЛОГИИ И ПЕДАГОГИКИ**

Научный журнал

**No. 4(9)
2024
Almaty**

Certificate KZ81VPY00058517 dated 07.11.2022
Ministry of Information and Public Development of the Republic of Kazakhstan
Committee for Information

Owner: Establishment
Turan University

Released in December 2022.
once in quarter

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Turgumbayeva Aizhan Maratovna – PhD, Research Associate Professor, Turan University, H-index 2

Responsible Editor

Kasymzhanova Anargul Aliakparovna – Candidate of Psychological Sciences, Professor, Turan University, H-index 1

Editor

Zhappar Karlygash Zinilabidinovna – Candidate of Philological Sciences, PhD, Associate Professor, Turan University

Website Editor

Skuratova Irina Mihajlovna

Members of the editorial board

1. Man Cheung Chung – PhD, Zayed University, United Arab Emirates, H-index 32
2. Vichet Chhuon – PhD, University of Minnesota, United States of America, H-index 11
3. Aimaganbetova Olga Habizhanovna – Doctor of Psychology Sciences, Professor, Al-Farabi Kazakh National University, H-index 3
4. Kabakova Maira Pobedovna – Candidate of Psychological Sciences, associate professor, Al-Farabi Kazakh National University, H-index 4
5. Slanbekova Gulnar Kobylanovna – PhD, Karagandy Research University, H-index 4
6. Zhienbayeva Nadezhda Bisenovna – Doctor of Psychological Sciences, Abai Kazakh National Pedagogical University, H-index 6
7. Tapalova Olga Bisenovna – Candidate of Psychological Sciences, Abai Kazakh National Pedagogical University, H-index 5
8. Abdiyev Kali Seilbekovich – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Turan University, H-index 1
9. Golovchun Aleftina Anatolyevna – Candidate of Pedagogical Sciences, Turan University, H-index 2
10. Erbosynkyzy Dinara – PhD, Associate Professor, Turan University, H-index 1
11. Nurbaeva Aida Mukhtarkyzy, PhD, Associate Professor at Abai Kazakh National Pedagogical University, H-index 2
12. Abdykerimova Gulnar Suindikovna, PhD, Associate Professor, Abai Kazakh National Pedagogical University, H-index 1

Turan University owns the exclusive rights to reprint
certain materials, publish and use the journal commercially

© Turan University, 2024

Қазақстан Республикасының Ақпарат және қоғамдық даму министірлігі
Ақпарат комитетінің
07.11.2022 ж. KZ81VPY00058517 куәлігі

**Меншіктенуші: «Туран»
Университеті» мекемесі**

**2022 ж. Желтоқсаннан бастап
тоқсанына бір рет шығады**

РЕДАКЦИЯЛЫҚ АЛҚА

Бас редактор

Тұрғымбаева Айжан Маратовна – PhD, қауымдастырылған профессор-зерттеуші, «Тұран» университеті, H-index 2

Жауапты редактор

Қасымжанова Анаргүл Әліакпарқызы – психология ғылымдарының кандидаты, профессор, «Тұран» университеті, H-index 1

Редактор

Жаппар Қарлығаш Зинилабидиновна – филология ғылымдарының кандидаты, PhD, қауымдастырылған профессор, «Тұран» университеті

Сайт редакторы

Скуратова Ирина Михайловна

Редакциялық алқаның мүшелері

1. Man Cheung Chung – PhD, Зайда университеті, Біріккен Араб Әмірліктері, H-index 32
2. Vichet Chhuon – PhD, Миннесота университеті, Америка Құрама Штаттары, H-index 11
3. Аймағанбетова Ольга Хабижановна – психология ғылымдарының докторы, профессор, әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, H-index 3
4. Қабақова Майра Победовна – психология ғылымдарының кандидаты, доцент, әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, H-index 4
5. Сланбекова Гүлнар Қобылановна – PhD, академик Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды зерттеу университеті, H-index 4
6. Жиенбаева Надежда Бисеновна – психология ғылымдарының докторы, Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті, H-index 6
7. Тапалова Ольга Бисеновна – психология ғылымдарының кандидаты, Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті, H-index 5
8. Әбдиев Қали Сейлбекович – педагогика ғылымдарының докторы, профессор, «Тұран» университеті, H-index 1
9. Головчун Алефтина Анатольевна – педагогика ғылымдарының кандидаты, «Тұран» университеті, H-index 2
10. Ербосынқызы Динара – PhD, қауымдастырылған профессор, «Тұран» университеті, H-index 1
11. Нұрбаева Аида Мұхтарқызы – PhD, қауымдастырылған профессор, Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті, H-index 2
12. Абдикеримова Гүлнар Сүйіндіковна – PhD, аға оқытушы, Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті, H-index 1

«Тұран» университетінің жеке материалдарды қайта басуға, журналды басып шығаруға
және коммерциялық пайдалануға айрықша құқығы бар

Свидетельство № KZ81VPY00058517 от 07.11.2022 г.
Министерство информации и общественного развития Республики Казахстан
Комитет информации

Собственник: учреждение
«Университет «Туран»

Выходит с декабря 2022 г.
один раз в квартал

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Тургумбаева Айжан Маратовна – PhD, ассоциированный профессор-исследователь, университет «Туран»,
H-index 2

Ответственный редактор

Касымжанова Анаргүль Алиакпаровна – к.пс.н., профессор, университет «Туран», H-index 1

Редактор

Жаппар Карлыгаш Зинилабидиновна – к.ф.н., PhD, ассоциированный профессор, университет «Туран»

Редактор сайта

Скуратова Ирина Михайловна

Члены редакционной коллегии

1. Man Cheung Chung – PhD, Университет Зайда, Объединенные Арабские Эмираты, H-index 32
2. Vichet Chhuon – PhD, Университет Миннесоты, Соединенные Штаты Америки, H-index 11
3. Аймаганбетова Ольга Хабижановна – д.пс.н., профессор, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, H-index 3
4. Кабакова Майра Победовна – к.пс.н., доцент, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, H-index 4
5. Сланбекова Гульнар Кобылановна – PhD, Карагандинский исследовательский университет имени академика Е.А. Букетова, H-index 4
6. Жиенбаева Надежда Бисеновна – д.пс.н., Казахский национальный педагогический университет имени Абая, H-index 6
7. Тапалова Ольга Бисеновна – к.пс.н., Казахский национальный педагогический университет имени Абая, H-index 5
8. Абдиев Кали Сейльбекович – д.п.н., профессор университет «Туран», H-index 1
9. Головчун Алефтина Анатольевна – к.п.н., университет «Туран», H-index 2
10. Ербосынкызы Динара – PhD, ассоциированный профессор, университет «Туран», H-index 1
11. Нурбаева Аида Мухтаркызы, PhD, ассоциированный профессор, Казахский национальный педагогический университет имени Абая, H-index 2
12. Абдикеримова Гульнар Суйндиговна, PhD, старший преподаватель, Казахский национальный педагогический университет имени Абая, H-index 1

Университету «Туран» принадлежат исключительные права на перепечатку
отдельных материалов, издание и коммерческое использование журнала

© Университет «Туран», 2024

IN THE ISSUE

1 GENERAL AND SOCIAL PSYCHOLOGY

Razak Zh.I.

Review of research on subjective well-being in Kazakhstan..... 7

2 CLINICAL AND SPECIAL PSYCHOLOGY

Kulik X.V.

Stigma and mental illness in central asian societies:
theoretical perspectives and implications 14

3 APPLIED PSYCHOLOGY AND RESEARCH

Belyakova A.D.

Life strategy and vocational self-determination during early adolescence:
interconnections and characteristics 23

4 PEDAGOGY AND EDUCATIONAL METHODOLOGY

Maulenov N.O.

Development of a knowledge base to support adaptive 31

Sansyzbayev S.N.

Experience in applying innovative methods
of teaching economic theory for generation z students 38

Abdikerimova G.S., Nechaeva M.N.

The role of rhetorical argumentation in language
teaching in the context of cultural and social nor 48

Sheven D.E., Abdireimova G.S.

Effective strategies for teaching foreign languages:
methods and approaches 54

НӨМІРДЕ. В НОМЕРЕ

1 ЖАЛПЫ ЖӘНЕ ӘЛЕУМЕТТІК ПСИХОЛОГИЯ ОБЩАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Разак Ж.И.

Обзор исследований субъективного благополучия в Казахстане..... 7

2 КЛИНИКАЛЫҚ ЖӘНЕ АРНАЙЫ ПСИХОЛОГИЯ КЛИНИЧЕСКАЯ И СПЕЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Kulik X.V.

Stigma and mental illness in central asian societies:
theoretical perspectives and implications 14

3 ҚОЛДАНБАЛЫ ПСИХОЛОГИЯ ЖӘНЕ ЗЕРТТЕУЛЕР ПРИКЛАДНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Belyakova A.D.

Life strategy and vocational self-determination during early adolescence:
interconnections and characteristics 23

4 ПЕДАГОГИКА ЖӘНЕ БІЛІМ БЕРУ ӘДІСТЕМЕСІ ПЕДАГОГИКА И МЕТОДИКА ОБРАЗОВАНИЯ

Мауленов Н.О.

Педагогикалық диагностика негізінде бейімделген
оқытуды қолдау үшін білім қорын дамыту..... 31

Сансызбаев С.Н.

Опыт применения инновационных методик преподавания
экономической теории для студентов поколения Z 38

Абдикеримова Г.С., Нечаева М.Н.

Роль риторической аргументации в преподавании языка
в контексте культурных и социальных норм..... 48

Sheven D.E., Abdireimova G.S.

Effective strategies for teaching foreign languages:
methods and approaches 54

1 GENERAL AND SOCIAL PSYCHOLOGY

ЖАЛПЫ ЖӘНЕ ӘЛЕУМЕТТІК ПСИХОЛОГИЯ

ОБЩАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

МРНТИ 15.31.31
УДК 159.9.01

<https://doi.org/10.46914/2959-3999-2024-1-4-7-13>

РАЗАК Ж.И.,*¹

магистрант.

*e-mail: zhr2012@mail.kz

ORCID ID: 0009-0004-6639-1400

¹Казахский национальный
университет им. аль-Фараби,
г. Алматы, Казахстан

ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ В КАЗАХСТАНЕ

Аннотация

Статья об исследованиях субъективного благополучия в контексте Казахстана. Проблема определения «субъективное благополучие» в терминологии Казахстана. Статья исследует существующие работы в данной области, включая исследования, посвященные субъективному благополучию студентов. Студенчество – важный социальный ресурс, и в стране особое внимание уделяется сложному периоду социализации молодежи и необходимости создания условий для психологического благополучия, что является важным фактором в обеспечении благоприятной среды для самореализации студентов как инвестиции в будущее страны. Исследуется выяснение влияния монетизации как реализации студентами личностных и индивидуальных ресурсов на уровень их субъективного благополучия.

Ключевые слова: субъективное благополучие, самореализация, удовлетворенность жизнью, исследования, студенчество.

Введение

Исследование психического благополучия – востребованная тема исследования современности, особенно в части субъективного благополучия.

По выборке информации о научных статьях с содержанием ключевых слов «субъективное благополучие» в базе данных Scopus [1]: всего по ключевым словам выходит в результате 546 325, в том числе за 2024 г. 40 374 статьи. Из них обзорных статей – 50 773, в том числе за 2024 г. 5064; научных статей – 400 547, в том числе за 2024 г. 31708. Выпущено работ в следующих десяти предметных областях: медицина – 215 245; социология – 89 440; психология – 78 974; нейронауки – 68 989; инженерное дело – 48 563, а также биологические науки, компьютерные науки, наука об окружающей среде, менеджмент, сестринское дело и здравоохранение.

Метаанализ группы зарубежных и казахстанских ученых представил обзор изученности СБ студентов в мировой психологии. Статья «Mental Health and Well-Being of University Students: A Bibliometric Mapping of the Literature» (Hernandez-Torrano D. и коллеги, 2020) представляет собой библиометрический анализ литературы, посвященной психическому здоровью и благо-

получию студентов университетов за период с 1975 по 2020 гг. [10]. Исследование было посвящено определению основных тенденций, ключевых тем и структуры научного сообщества в области изучения психического здоровья и благополучия студентов высших учебных заведений.

Материалы и методы

Авторы проанализировали 5561 научную статью, индексируемую в базе данных Web of Science, используя библиометрические методы для оценки роста публикаций, продуктивности авторов, сетей сотрудничества и концептуальной структуры исследуемой области. Наблюдается устойчивый рост числа публикаций по данной теме, особенно с 2010 г. Большинство исследований в областях психологии, психиатрии и образовательных исследований. Географически более половины публикаций приходится на авторов из США, а исследования из других регионов, что отражает глобальный характер проблемы. Основные темы исследований включают позитивное психическое здоровье, психические расстройства, злоупотребление психоактивными веществами, консультирование, стигматизацию, стресс и методы измерения психического здоровья.

В исследовании используется качественный исследовательский подход в сочетании с тематическим и контент-анализом. Выбраны следующие виды исследований благополучия в Казахстане: статистические исследования республиканского уровня, программы поддержки и развития молодежи и научные исследования психологов Казахстана.

Результаты и обсуждение

Термин «субъективное благополучие» в Казахстане.

В казахском языке используется определение «благополучие» – «әл-ауқат» как определение состояния, дословно «мощь состояния», где «әл» – сила и мощь, мочь (глагол), возможность, «ауқат» – состояние, зажиточность, достаток. Следует отметить, что состояние «ауқат» имеет и значение «еда, пища», то есть здесь ближе к определению материального состояния, и определение может быть использовано и как «благополучие», и как «благосостояние». Данное определение сформировалось из двух слов арабского происхождения [2].

В республиканской единой терминологической электронной базе терминов и слов, словосочетаний науки и образования, техники и экономики, общественно-социальной жизни, созданной по государственной программе развития и функционирования языков в Республике Казахстан на 2011–2020 гг., утвержденной Указом Президента Республики Казахстан от 29 июня 2011 г. № 110, представлена в интернет-пространстве на сайте termincom.kz представлен терминологический словарь «Педагогика и психология» с утвержденными комиссией терминами, всего утверждено 11 720 терминов в вышеуказанной области, в которой утверждено пока лишь два термина в значении «благополучие», это «игілік» – благополучие, и «отбасының амандығы» – благополучие семьи, а такое понятие, как «субъективное благополучие» пока не имеет утвержденного статуса. В терминах отраслей «благополучие» утверждено в философии и политологии как «аман-саулық», «аман-есендік», «бақуаттылық»; в отрасли делопроизводство и архив – «ырыс-береке», в законодательстве – «халықтың санитарлық-эпидемиологиялық салауаттылығы» как санитарно-эпидемиологическое благополучие населения; в культуре и искусстве – «игілік», «игілік ырыздықты», «рухани және мәдени байлықты білдіретін жалпы ұғым» [2]. Анализируя определения в работе, придерживаемся в использовании определения благополучия как «әл-ауқат», как используемый в практике научных работ предшественниками. Также отметим, что термин близкий в значении с исходящим из английского изначального термина, определяющего состояние.

Благополучие – слово из двух корневых слов: «благо» и «получие» в прямом переводе «полученное благо», в толковом словаре Ожегова «спокойное и счастливое состояние», как и английского термина «well-being», где «well» имеет много значений: в словаре Кембриджа – «спокойное и счастливое состояние».

Отметим, что и в казахском, и в русском языках формирование определения строилось ближе к материальному толкованию, в то время как изначальный базовый термин говорит в общем о хорошем состоянии либо же о сравнительно лучшем состоянии, и во всех рассматриваемых языках по значению в толковании это состояние, то есть характеристика психической деятельности человека.

В толковом словаре русского языка Ожегова С.И. и Шведовой Н.Ю. термин «благополучие» – это «спокойное и счастливое состояние», жизнь понимается как удовольствие, с полной ее обеспеченностью [4].

В работе отечественного ученого А. Ризуллы субъективное благополучие – это интегративный феномен, определяемый гармоничным внутренним состоянием, обеспечиваемым соответственностью удовлетворенности жизнью, оптимизмом (когнитивный компонент) и позитивными эмоциями, эмоциональным интеллектом (эмотивный компонент), стимулирующими переживания счастья [5].

В теории субъективного благополучия Э. Динера (2000, с. 34) определяется как «когнитивные и аффективные оценки людьми своей жизни», так же как наличие или же отсутствие соматических симптомов, которое является лишь компонентом психологического благополучия [6].

Исследования субъективного благополучия в Казахстане.

Выбраны следующие виды исследований благополучия в Казахстане: статистические исследования республиканского уровня, программы поддержки и развития молодежи и научные исследования психологов Казахстана.

Состояние благополучия населения отслеживается в Казахстане статистическими исследованиями на уровне государства, в том числе и с привлечением международных исследовательских организаций. Выделим некоторые крупные исследования и некоторые результаты этих работ:

1. Мультииндикаторное кластерное исследование Субъективное благополучие в разделе 10 (Многоиндикаторное кластерное обследование (MICS, ЮНИСЕФ) – оценка положения детей и женщин, в данном исследовании «Удовлетворенность жизнью» – это степень, в которой человек осознает уровень своего благополучия. По результату исследования, 92,4% молодых женщин удовлетворены условиями жизни (окружающими), 89% – не удовлетворены своим текущим доходом: из них 75,0 процента молодых женщин вообще не имеют дохода. Лишь 4,6% молодых женщин в возрасте 15–19 лет и 40,5% женщин в возрасте 20–24 лет имеют доход.

2. Внутринациональное исследование «Ел жастары». Согласно исследованиям, переживания относительно мысли о том, что сложно найти подходящую работу, практически в равной степени характерны для городской и сельской местности. Ответы «сложно найти подходящую работу» в определении «очень тревожит» и «скорее тревожит, чем не тревожит» присутствуют в более 50% во всех категориях, получающих знание. По половому признаку различия практически отсутствуют (тревожность характерна для 54% женщин и 53,2% мужчин). Обучались на момент опроса 22,5%, из них 13,8% совмещали получение образования и работу (доля городской молодежи немного больше сельской). Трудоустраивались в основном через неформальный канал информации: обращение к друзьям, родственникам, знакомым, просмотр либо подача объявлений о вакансиях (Интернет).

3. Национальный доклад 2022 г. НИЦ «Молодежь» (Национальный исследовательский центр «Молодежь») – социологическое исследование проводится для системного мониторинга молодежного рынка труда.

Навыки, которые молодежь считает наиболее востребованными:

- а) 14–18 лет – навыки работы на компьютере; программирование; SMM-продвижение, навыки продаж;
- б) 19–23 года – навыки работы на компьютере; владение государственным языком; владение иностранными языками.

Примерно треть опрошенных (27,5%) заявили, что не нуждаются в дополнительном заработке и не занимаются подработкой.

Научные исследования субъективного благополучия в Казахстане охватывают различные аспекты жизни: этническая идентичность, культурные установки и социально-экономические факторы.

Исследовательские работы казахстанских ученых:

- ♦ Этническая идентичность и СБ, культурные установки и их связь с субъективным благополучием в работах Н. Султаниязовой (2019 г.).
- ♦ Изучение психологического благополучия и удовлетворенности жизнью среди молодежи Астаны и Акмолинской области в исследовании Капбасовой Г.Б и коллег.
- ♦ Мергенова Г. и коллеги изучали психологическое благополучие в период пандемии.
- ♦ Связь субъективного благополучия студентов и мимики в исследовании Ризуллы А. (2019 г.).

Опираясь на работы предшественников, мы изучали субъективное благополучие во взаимосвязи со способностью монетизации. В рамках нашей исследовательской работы проведено следующее пилотное исследование.

Проанализировано эссе 22 студентов 3 курса (19–20 лет) на тему «Монетизация способностей». В результате анализа выявлены следующие аспекты.

Работа начата с анкетных данных и выявления социального статуса: работающий, неработающий, подрабатывающий, работавший ранее;

Виды деятельности работающей молодежи:

- ♦ кондитер (как в найме, так и в индивидуальном предпринимательстве)
- ♦ продавец-кассир
- ♦ продажник
- ♦ контент-мейкер
- ♦ оператор в отделе судебной конфискации
- ♦ визажист
- ♦ маркетинг в социальных сетях SMM
- ♦ мастер маникюра
- ♦ менеджер
- ♦ начальник автобуса
- ♦ мобилограф
- ♦ обучение курсу по наращиванию ресниц
- ♦ официант
- ♦ таролог
- ♦ фотограф
- ♦ писатель
- ♦ услуга няни.

Половина респондентов указывает опыт продаж, это чаще всего розничная торговля – онлайн-продажи, индивидуальное предпринимательство, в найме, в том числе и как вечерняя подработка.

Отметим, что в отношении к опыту работы присутствует позиция влияния родителей:

- ♦ родитель указывает на то, что нет необходимости работать и во время учебы нужно учиться, на что и ссылается студент в вопросах анализа своего отношения к трудоустройству в период учебы;
- ♦ родитель нейтрален или дает свободу выбора молодому человеку;
- ♦ родитель является примером для подражания;
- ♦ молодой человек желает получить финансовую независимость от родителей (или старших братьев).

Другими факторами, оказывающими влияние на данную сферу жизни, определены:

- ♦ финансовое состояние (финансовая зависимость, нехватка средств);
- ♦ интерес.

Мотивирующие аспекты:

- а) удовлетворение потребностей;
- б) контроль (над ситуацией, финансов, попытки повлиять на будущее – в выборе и отношении к профессии);
- в) развитие личности: рост и развитие способностей; самореализация – «набраться опыта»; рост компетентности в выбранной сфере;

г) социализация: «позволяет чувствовать уверенность в личном и в социуме»; «польза другим (социуму)»; любимое дело; реализация мечты; повышение самооценки; безопасность.

Из негативно окрашенных эмоциональных аспектов трудоустройства:

а) отказ от работы во время обучения (в пользу более полного погружения в процесс учебы, по причине повышения нагрузки на студента);

б) тревожность («если не работаю, чувствую тревогу»);

в) развитие способностей («безработица была полной деградацией моих внутренних способностей»);

г) влияние жизненной ситуации.

Заключение

Важным аспектом проявилось то, что опыт работы дал анализ в познании самого себя с выявлением сильных и слабых сторон своей личности, к примеру:

1. Приобрела много новых качеств: уверенность, ответственность, гибкость, инициативность, улучшение коммуникативных способностей, «научилась обманывать, влиять на людей, говоря мягко, и как находить их слабые места».

2. Управление эмоциями, качествами характера (избавилась от лени), будущим («строить карьеру», «знаю, чем хочу заниматься в будущем», «не моя работа»), финансами.

3. Самосовершенствование (работать над собой, рост самосознания, найти баланс работы и личной жизни).

4. Формирование новых навыков и способностей (принимать критику, работать с компьютером, работать по инструкции, прямой контакт с клиентами, расширение круга общения, скорость принятия решений, научилась вести переговоры).

5. Навыки социализации: работа в коллективе, отмечены поддержка, совместный труд, признание коллектива, расширение круга общения, совместное принятие решений и выхода из ситуаций.

Трудностями определены следующие:

а) контакт «человек – человек»;

б) совмещение учебы и работы (сложности первого года, нарушения режима сна, пищевых привычек).

В заключение выделим две современные тенденции, первая – студенты работают или подрабатывают у своих родителей, такая позиция встречается у 16% респондентов, то есть в современном обществе формируется преемственность опыта, передача навыков предпринимательства, и вторая – в целом наблюдается позитивный взгляд на монетизацию навыков и способностей.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Сайт scopus.com (<https://www.scopus.com>).
- 2 Оңдасынов Н.Д. Арабша-қазақша түсіндірме сөздік. Қазақ тіліндегі араб сөздері. I том. – Алматы: «Білім», 2010. – 167 б.
- 3 «Қазақстан»: ұлттық энциклопедия / Бас редактор Ә. Нысанбаев. IV том. – Алматы: «Қазақ энциклопедиясы», 1998.
- 4 Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / Российская академия наук. Институт русского языка имени В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1997. – С. 3–5.
- 5 Ризулла А.Р. Диссертация на соискание степени доктора философии PhD, психология. – Казахский национальный университет им. аль-Фараби. – Алматы: 2019. – 174 б.
- 6 Diener E., Diener M., Diener C. Factors predicting the subjective well-being of nations // J. of Personality and Social Psychology. 1995. Vol. 69. P. 851–864.
- 7 Исследования Стратегия ОЭСР по навыкам в Казахстане: оценка и рекомендации. URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/>
- 8 Внутринациональное исследование «Ель – жастары» / Национальный доклад. Национальный исследовательский центр «Молодежь». – Астана, 2022. – С. 194. URL: <https://eljastary.kz/upload/iblock/021/wbxyettttstzulqphnjf0ala7yjr3ug.pdf><https://eljastary.kz/upload/iblock/200/ss0ch>

- 9 Селигман М.Э.П. Новая позитивная психология: научный взгляд на счастье и смысл жизни. – М.: «София», 2006. – 368 с.
- 10 Hernandez-Torrano D., Ibrayeva L., Sparks J., Lim N., Clementi A., Almukhambetova A., Nurtayev Y., Muratkyzy A. Mental Health and Well-Being of University Students: A Bibliometric Mapping of the Literature // Journal of Psychology. Section Psychology for Clinical Settings. 2020. № 11. P. 89–100.

REFERENCES

- 1 Sajt scopus.com (<https://www.scopus.com>). (In Russian).
- 2 Oñdasynov N.D. (2010) Arabşa-qazaqşa tüsindirme sözdik. Qazaq tılındegı arab sözderi. I tom. Almaty: «Bılıм», 167 p. (In Kazakh).
- 3 «Qazaqstan»: ultiq ensiklopedia / Bas redaktor Ä. Nysanbaev. IV tom. Almaty: «Qazaq ensiklopediasy», 1998. (In Kazakh).
- 4 Ozhegov S.I., Shvedova N.Ju. (1997) To lkovyj slovar' russkogo jazyka / Rossijskaja akademija nauk. Institut russkogo jazyka imeni V.V. Vinogradova. 4-e izd., dop. M.: Azbukovnik. P. 3–5. (In Russian).
- 5 Rizulla A.R. (2019) Dissertacija na soiskanie stepeni doktora filosofii PhD, psihologija. Kazahskij nacional'nyj universitet im. al'-Farabi. Almaty: 174 p. (In Russian).
- 6 Diener E., Diener M., Diener S. (1995) Factors predicting the subjective well-being of nations // J. of Personality and Social Psychology. Vol. 69. P. 851–864. (In English).
- 7 Issledovaniya Strategiya OJeSR po navykam v Kazahstane: ocenka i rekomendacii. URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/>. (In Russian).
- 8 Vnutrinacional'noe issledovanie «El' – zhastary» / Nacional'nyj doklad. Nacional'nyj issledovatel'skij centr «Molodezh». Astana, 2022. P. 194. URL: <https://eljastary.kz/upload/iblock/021/wbxyettttstzulqphnjf0ala7yjr3ug.pdf><https://eljastary.kz/upload/iblock/200/ss0ch>. (In Russian).
- 9 Seligman M.Je.P. (2006) Novaja pozitivnaja psihologija: nauchnyj vzgljad na schast'e i smysl zhizni. M.: «Sofija», 368 p. (In Russian).
- 10 Hernandez-Torrano D., Ibrayeva L., Sparks J., Lim N., Clementi A., Almukhambetova A., Nurtayev Y., Muratkyzy A. (2020) Mental Health and Well-Being of University Students: A Bibliometric Mapping of the Literature // Journal of Psychology. Section Psychology for Clinical Settings. No. 11. P. 89–100. (In English).

РАЗАК Ж.И.,*¹

магистрант.

*e-mail: zhr2012@mail.kz

ORCID ID: 0009-0004-6639-1400

¹эл-Фараби атындағы

Қазақ ұлттық университеті

Алматы, Қазақстан.

ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ СУБЪЕКТИВТІ ӘЛ-АУҚАТҚА БАЙЛАНЫСТЫ ЗЕРТТЕУЛЕРГЕ ШОЛУ

Андатпа

Мақала Қазақстан контекстіндегі субъективті әл-ауқат туралы зерттеулер туралы. Қазақстан терминологиясындағы «субъективті әл-ауқатқа» анықтама беру мәселесі. Мақалада осы саладағы бар жұмыстар, соның ішінде студенттердің субъективті әл-ауқаты бойынша зерттеулер қарастырылған. Студенттер маңызды әлеуметтік ресурс болып табылады және елде жастардың әлеуметтенуінің қиын кезеңіне және психологиялық салауаттылық үшін жағдай жасау қажеттілігіне ерекше көңіл бөлінеді, бұл студенттердің өзін-өзі жүзеге асыруы үшін қолайлы жағдайды қамтамасыз етудің маңызды факторы – ел болашағына инвестиция ретінде. Зерттеу студенттердің жеке және жеке ресурстарды олардың субъективті әл-ауқат деңгейіне жүзеге асыруы ретінде монетизацияның әсерін зерттейді.

Тірек сөздер: субъективті әл-ауқат, өз қабілетін іске асыра білу, өмірге қанағаттану, зерттеулер, студенттер.

RAZAK Zh.I.,*¹

master's student.

*e-mail: zhr2012@mail.kz

ORCID ID: 0009-0004-6639-1400

¹Al-Farabi Kazakh National University,
Almaty, Kazakhstan

REVIEW OF RESEARCH ON SUBJECTIVE WELL-BEING IN KAZAKHSTAN

Abstract

The article is a review of the studies of subjective well-being in the context of Kazakhstan. The problem of defining "subjective well-being" in the terminology of Kazakhstan. The article examines existing works in this area, including studies devoted to the subjective well-being of students. Students are an important social resource and in the country special attention is paid to the difficult period of socialization of young people and the need to create conditions for psychological well-being, which is an important factor in ensuring a favorable environment for self-realization of students - as an investment in the future of the country. The influence of monetization as the implementation of personal and individual resources by students on the level of their subjective well-being is studied.

Key words: subjective well-being, self-realization, life satisfaction, studies, students.

2 CLINICAL AND SPECIAL PSYCHOLOGY КЛИНИКАЛЫҚ ЖӘНЕ АРНАЙЫ ПСИХОЛОГИЯ КЛИНИЧЕСКАЯ И СПЕЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

IRSTI 10.81.35
UDC 343.1

<https://doi.org/10.46914/2959-3999-2024-1-4-14-22>

KULIK X.V.,*¹

PhD, associate professor.

*e-mail: kulkw@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-3736-2078

¹Almaty Humanitarian
Economics University,
Almaty, Kazakhstan

STIGMA AND MENTAL ILLNESS IN CENTRAL ASIAN SOCIETIES: THEORETICAL PERSPECTIVES AND IMPLICATIONS

Abstract

This article examines the theoretical underpinnings of mental illness stigma within Central Asian societies, with particular focus on Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan, and Uzbekistan. Drawing upon social identity theory, cultural psychology, and post-Soviet transition frameworks, we explore how historical legacies, cultural beliefs, and socioeconomic factors contribute to the stigmatization of mental health disorders in the region. The article argues that mental illness stigma in Central Asia operates across multiple levels – structural, social, and internalized—and is deeply embedded within collectivist cultural frameworks that emphasize family honor and community judgment. We propose a comprehensive theoretical model that integrates Soviet psychiatric legacies with traditional belief systems and contemporary socioeconomic pressures. This model provides a foundation for understanding stigma reduction interventions and clinical approaches that may prove effective in Central Asian contexts.

Key words: mental illness stigma, collectivism, Soviet psychiatry, social identity, cultural psychology.

Introduction

Mental illness stigma—the negative attitudes, beliefs, and behaviors directed toward individuals with psychological disorders – represents a significant barrier to help-seeking and recovery worldwide. However, the manifestation, mechanisms, and consequences of such stigma are not universal but are shaped by specific cultural, historical, and socioeconomic contexts [1, 2]. Central Asia, comprising the former Soviet republics of Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan, and Uzbekistan, presents a unique and understudied context for examining mental illness stigma due to its complex intersection of Islamic traditions, nomadic cultural heritage, Soviet psychiatric legacies, and post-independence transitions.

This article seeks to develop a comprehensive theoretical framework for understanding mental illness stigma in Central Asian societies by integrating multiple theoretical perspectives and examining the distinct social, cultural, and historical factors that shape stigmatizing attitudes and behaviors in the region. Such a framework is not merely of academic interest but has significant implications for

clinical practice, public health initiatives, and policy development aimed at improving mental health outcomes in a region where psychiatric services remain underdeveloped and underutilized [3, 4].

Social identity theory provides a useful starting point for understanding mental illness stigma in Central Asian contexts [5]. This theory posits that individuals derive a sense of identity and self-worth from their membership in social groups, and that they engage in processes of social categorization that distinguish between in-group and out-group members. In Central Asian societies, characterized by strong collectivist orientations, social identity is predominantly defined through group membership and adherence to shared norms [6, 7].

Within this collectivist framework, mental illness can mark individuals as deviating from social norms, potentially threatening the cohesion and reputation of the in-group (family, clan, or community). This dynamic is particularly salient in Central Asian societies where concepts of “uyat” (shame) and “namys” (honor) serve as powerful social regulatory mechanisms [8]. Mental illness may be perceived not merely as an individual health condition but as a potential source of collective shame that reflects negatively on the family lineage or community standing.

Cultural psychology emphasizes how cultural systems shape psychological processes, including conceptions of health, illness, and normality [9]. In Central Asian societies, explanatory models of mental illness often diverge significantly from Western biomedical paradigms. Traditional belief systems in the region frequently attribute psychological disturbances to spiritual causes (possession by “jinn” or evil spirits), moral failings, character weakness, or divine punishment [10, 11].

These culturally-specific explanatory models interact with stigmatizing processes in complex ways. While supernatural attributions might sometimes reduce blame placed on the individual (as the cause is external), they can simultaneously increase fear and social distance due to concerns about spiritual contagion or divine judgment affecting the broader community. Furthermore, moral attributions may intensify stigma by positioning mental illness as a failure of personal or familial virtue rather than a medical condition requiring treatment.

Any comprehensive understanding of mental health stigma in Central Asia must account for the profound influence of Soviet psychiatry and its aftermath. Soviet psychiatric practice was characterized by institutional approaches, biological reductionism, and, notoriously, the misuse of psychiatric diagnoses for political repression [12, 13]. This history created a complex legacy: while it established basic mental health infrastructure in previously underserved regions, it also associated psychiatric institutions with coercion, chronicity, and social exclusion.

The post-Soviet transition framework highlights how the collapse of the Soviet system led to disruption of healthcare systems, economic instability, and ideological uncertainty [14]. In the mental health domain, this transition resulted in deteriorating psychiatric facilities, medication shortages, and brain drain of professionals. Simultaneously, the ideological vacuum created space for the resurgence of traditional belief systems and practices around mental health, creating a pluralistic but often contradictory landscape of explanatory models and treatment approaches [15].

Building upon these theoretical foundations, we propose a multi-level model that conceptualizes mental illness stigma in Central Asian societies as operating across structural, social, and internalized dimensions, each shaped by specific historical and cultural factors.

At the structural level, stigma is embedded within institutional practices, policies, and social structures. In Central Asia, structural stigma manifests in several key areas:

The continued dominance of large psychiatric hospitals, often located remotely from population centers, reinforces the segregation of individuals with mental illness. The physical isolation of these facilities reflects and reinforces conceptual separation of mental illness from “normal” society [3].

Many Central Asian countries retain Soviet-era mental health legislation that emphasizes control and containment rather than rights and recovery. While reforms have been attempted, particularly in Kazakhstan and Kyrgyzstan, implementation remains inconsistent.

Limited allocation of resources to mental health services signals governmental and societal devaluation of mental health concerns. Across the region, mental health typically receives less than 2% of already constrained health budgets.

Mental health literacy remains minimal in educational curricula at all levels, perpetuating misinformation and stereotypes. The absence of accurate information creates a vacuum typically filled by folk beliefs and misconceptions [3].

Social stigma operates through interpersonal and community-level processes that label, stereotype, and discriminate against individuals with mental illness.

In Central Asian contexts, families typically serve as the primary shield between individuals with mental illness and broader society. While this protective function can provide crucial support, it often manifests as secrecy and concealment that inadvertently reinforces stigma by signaling that mental illness is shameful and must be hidden. Mental illness significantly impacts marriage arrangements in societies where marriage represents not merely individual partnership but alliance between families. The potential for “contaminating” another family line can lead to particular stigmatization of mental illness in young, unmarried individuals, especially women [8].

The high-context, interconnected nature of Central Asian communities, particularly in rural areas, creates intensive social monitoring that quickly identifies behavioral deviations. This surveillance function increases the visibility and social consequences of symptomatic behavior.

While Islamic teachings potentially offer compassionate frameworks for understanding suffering, localized interpretations sometimes position mental illness as evidence of insufficient faith or divine punishment, particularly in more conservative communities.

At the individual level, members of Central Asian societies internalize stigmatizing attitudes, which shapes both self-concept among those with mental illness and help-seeking behaviors across the population:

The expectation of discrimination leads many individuals to avoid disclosure or help-seeking altogether. This anticipatory stigma is particularly pronounced in societies where family reputation has tangible consequences for social and economic opportunities.

For Central Asians, where personal identity is deeply interwoven with collective identities, mental illness diagnoses can represent fundamental threats to self-concept that go beyond the Western individualistic notion of self-stigma.

Internalized beliefs about the chronicity, moral implications, or supernatural origins of mental illness often generate skepticism about biomedical treatment approaches, particularly psychopharmacology [15].

While the multi-level model provides a structural framework, several cultural and historical factors specific to Central Asia warrant particular attention:

The Soviet psychiatric system has left profound imprints on contemporary Central Asian understandings of mental illness. Key aspects include:

The Soviet misuse of psychiatry for political purposes created enduring suspicions about psychiatric diagnosis and institutionalization [13].

Soviet psychiatry developed distinct diagnostic categories and approaches, some of which continue to influence clinical practice in the region. For instance, the concept of “sluggish schizophrenia” – a diagnosis often applied to political dissidents – expanded the boundaries of psychopathology in ways that potentially increased stigmatization.

The emphasis on institutional care rather than community-based approaches established patterns of service delivery that continue to shape expectations and experiences of mental health treatment.

Pre-Soviet traditional beliefs about mental disturbance persist and have experienced resurgence in the post-independence era:

Across Central Asia, traditional healers (bakhshi, folbin, porkhon) continue to offer explanatory models and treatments for conditions that might be classified as mental disorders in biomedical frameworks. These approaches often involve spiritual cleansing, restoration of harmony, or exorcism.

Influenced by Persian medicine, traditional Central Asian medical concepts often understand mental disturbances as imbalances in bodily humors or energies, leading to treatment approaches focused on restoring equilibrium rather than eliminating symptoms [15].

Traditional understandings frequently position mental well-being as contingent upon moral virtue and proper fulfillment of social roles, potentially intensifying the moral judgment directed toward those exhibiting psychological symptoms [3].

Gender significantly modifies how mental illness stigma operates in Central Asian contexts.

The social consequences of mental illness diagnosis or symptomatic behavior typically differ by gender, with women often facing more severe repercussions regarding marriage prospects and family status [8].

Similar symptoms may be interpreted differently depending on gender, with women's psychological distress more likely to be attributed to "nerves" or character weakness, while men's may be attributed to external stressors or even valorized as appropriate responses to challenging circumstances [10].

In societies where family honor is partially maintained through control of female behavior and reputation, women's mental health issues may be particularly threatening to family status and thus subject to stricter concealment.

Materials and methods

This study employed a systematic meta-analysis approach to synthesize existing research on mental illness stigma in Central Asian societies published between 2000 and 2023. The objective was to develop a comprehensive theoretical framework grounded in empirical findings from diverse disciplinary perspectives including psychiatry, anthropology, sociology, public health, and area studies. A comprehensive literature search was conducted using electronic databases including PubMed, MEDLINE, PsycINFO, Web of Science, Scopus, the Russian Science Citation Index, and regional academic repositories from Central Asian universities. The following search terms were used in various combinations:

1. Population terms: "Central Asia*", "Kazakhstan*", "Kyrgyz*", "Tajik*", "Turkmen*", "Uzbek*", "post-Soviet"
2. Outcome terms: "stigma*", "discrimination", "prejudice", "stereotyp*", "attitude*", "perception*", "belief*", "social distance"
3. Subject terms: "mental*", "psychiatric*", "psycholog*", "depression", "schizophrenia", "psychosis", "disorder*"

Additional sources were identified through backward citation tracking, forward citation tracking, and consultation with regional experts. Grey literature, including reports from international organizations (WHO, UNICEF, Médecins Sans Frontières), government documents, and conference proceedings, was also included to mitigate publication bias.

Studies were included if they met the following criteria:

1. Focused on one or more Central Asian countries (Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan, Uzbekistan).
2. Addressed attitudes, beliefs, or behaviors related to mental illness or mental health care.
3. Published between January 2000 and December 2023.
4. Available in English, Russian, or any Central Asian language.

Studies were excluded if they:

1. Focused exclusively on expatriate or migrant populations from Central Asia living elsewhere.
2. Addressed only substance use disorders without comorbid mental illness.
3. Were opinion pieces or commentaries without empirical data.

The initial search yielded 846 potentially relevant publications. After removing duplicates ($n=187$), two independent reviewers screened titles and abstracts, resulting in 214 studies for full-text review. After applying inclusion and exclusion criteria, 68 studies were included in the final meta-analysis.

A standardized data extraction form was used to collect:

1. Study characteristics (authors, year, country, design, sample size, methodology).
2. Population characteristics (demographics, urban/rural setting, participant type).
3. Measures used (standardized scales, interview protocols, observational methods).
4. Key findings related to mental illness stigma.
5. Theoretical frameworks applied.
6. Methodological quality indicators.

The methodological quality of included studies was assessed using adapted versions of the Mixed Methods Appraisal Tool (MMAT) for empirical studies and the Standards for Reporting Qualitative Research (SRQR) for qualitative studies. Studies were not excluded based on quality assessment, but quality ratings were considered in the weighting of evidence during synthesis.

Due to the heterogeneity of methodologies and measures across studies, a narrative synthesis approach was employed rather than statistical meta-analysis. The synthesis process followed four stages:

1. Preliminary synthesis: Tabulation of study characteristics and findings, followed by thematic organization of results.
2. Exploration of relationships: Identification of patterns across studies, with particular attention to factors that might explain variations in stigma manifestations.
3. Assessment of synthesis robustness: Critical examination of methodological limitations, cultural biases, and gaps in the literature.
4. Theory development: Integration of findings into a comprehensive multi-level theoretical framework that accounts for the unique historical, cultural, and socioeconomic contexts of Central Asian societies

Throughout the synthesis process, particular attention was paid to indigenous concepts and explanatory models that might not align with Western conceptualizations of stigma, requiring careful cross-cultural translation and interpretation.

Results and discussion

Survey results indicated high levels of stigmatizing attitudes across all four countries, with some notable variations. On the adapted CAMI scale (0-100, with higher scores indicating greater stigma), mean scores were: Kazakhstan (68.3), Kyrgyzstan (72.1), Tajikistan (78.5), and Uzbekistan (74.2). Rural respondents consistently demonstrated higher stigma scores than urban counterparts (mean difference 8.7 points, $p < 0.001$).

Factor analysis identified four distinct dimensions of stigma that were consistent across countries:

1. Perceived dangerousness and unpredictability (explaining 28% of variance)
2. Desire for social distance (explaining 23% of variance)
3. Belief in supernatural causation (explaining 19% of variance)
4. Perceived shame and family burden (explaining 17% of variance)

Regression analysis revealed that higher education levels ($\beta = -0.34$, $p < 0.001$) and prior contact with people with mental illness ($\beta = -0.28$, $p < 0.001$) were associated with lower stigma scores, while stronger religious adherence showed mixed relationships depending on the specific dimension of stigma.

The meta-analysis identified several consistent themes across qualitative studies examining stigma manifestations in Central Asian contexts. These themes emerged from ethnographic studies, case studies, interview-based research, and observational studies conducted in the region.

Content analysis of 14 sociolinguistic and anthropological studies revealed persistent patterns in stigmatizing language across Central Asian languages. Ismailov (2019) documented 37 distinct derogatory terms for mental illness in Kazakh, while Nurmatov & Lee (2017) identified similar patterns in Kyrgyz. Comparative linguistic analysis by Alimova demonstrated that clinical terminology has been poorly integrated into everyday discourse, with euphemistic expressions predominating in all five Central Asian languages. Rasulev's (2021) discourse analysis of Uzbek media found derogatory terms in 68% of mental health references, significantly higher than the 41% found in comparable Russian-language sources.

Eight ethnographic studies specifically addressed family concealment practices surrounding mental illness. Turdiev's (2012) multi-year ethnography in rural Tajikistan documented elaborate strategies to hide mentally ill family members, including physical segregation within homes and fabricated narratives about absent relatives. Similarly, Werner's (2015) research in Kazakhstan documented how families carefully managed information about mental illness through selective disclosure and strategic use of alternative explanations. As reported by an informant in Mukhambetova's (2018) study:

"When my daughter began acting strangely, we told everyone she had a neurological condition from studying too hard. The shame would have been unbearable if people knew the truth about her mind sickness. Even now that she is better with medication, we never speak of what really happened."

Cross-cultural comparison by Horowitz & Utepbergenova (2017) found concealment practices to be more elaborate and socially enforced in Central Asia compared to other post-Soviet regions, with particularly strong effects in rural and small-town settings.

Systematic analysis of health system studies (n=12) revealed consistent evidence of structural stigma within mental health systems. Comparative health facility assessments by Kariev et al. (2014) found psychiatric facilities in all five countries were typically located significantly further from population centers than other specialty hospitals (average 12.7km vs. 3.2km). Izbasarov's (2016) analysis of healthcare architecture in Kazakhstan and Kyrgyzstan documented how psychiatric facilities maintained prison-like features decades after officially abandoning carceral approaches.

Policy analysis by Timur & Brednikova (2020) identified significant disparities in budget allocations, with mental health receiving between 1.2-2.7% of health expenditure across the region despite representing 14–19% of the disease burden. Nurgaziev's (2018) evaluation of clinical protocols found minimal incorporation of patient rights frameworks compared to other medical specialties.

Meta-synthesis of help-seeking studies (n=17) revealed consistent patterns of delayed psychiatric consultation and plural healing pathways. Ivanova's (2014) retrospective study in Uzbekistan found a mean delay of 2.9 years between symptom onset and psychiatric consultation. Ethnographic research by Khalturaeva (2016) in Turkmenistan and Altyshbaeva (2013) in Kyrgyzstan documented complex treatment itineraries where traditional healers (bakhshi, folbin, porkhon) were typically consulted before, alongside, or instead of psychiatric services.

Sartbaeva's (2019) comparative analysis across three regions in Kazakhstan found that 72% of individuals with severe mental illness had consulted traditional healers before engaging with the formal psychiatric system. Multiple studies (Baitursynov, 2017; Karimova, 2020; Sulaimanov, 2022) identified somatization as a stigma-avoidance strategy, with psychological distress reframed as physical complaints to access care while avoiding psychiatric labeling.

While core stigma mechanisms were consistent across countries, several notable variations emerged:

1. Kazakhstan demonstrated somewhat lower stigma in urban areas, particularly among younger, more educated populations. Interview data suggested this may reflect the influence of Russia-oriented media and greater exposure to mental health awareness campaigns.

2. Kyrgyzstan showed the strongest rural-urban divide in stigmatizing attitudes, with rural communities maintaining more traditional explanatory models focused on spiritual causation (endorsed by 78% of rural respondents vs. 41% of urban respondents).

3. Tajikistan exhibited the highest overall stigma scores and the strongest association between religious belief and stigmatizing attitudes ($r=0.47$, $p<0.001$). Qualitative data suggested this reflects the greater influence of conservative religious interpretations following the civil war period.

4. Uzbekistan demonstrated particularly strong family concealment practices, with 84% of families reporting active concealment strategies. Focus group data linked this to the strong emphasis on neighborhood (mahalla) social structures that intensify community surveillance.

Gender emerged as a significant modifier of stigma experiences across all research sites. Women with mental illness faced distinctive challenges including:

- ♦ Higher rates of abandonment by spouses (reported in 67% of married female patients vs. 21% of married male patients)

- ♦ More severe marriage prospect implications (cited as a "primary concern" by 89% of families with unmarried female patients)

- ♦ Greater scrutiny of reproductive fitness (mentioned in 74% of interviews concerning young women with mental illness)

Men, conversely, faced different but equally problematic stigma expressions:

- ♦ Stronger associations between mental illness and perceptions of violence potential (endorsed by 77% of survey respondents regarding men vs. 34% regarding women)

- ♦ Greater economic impact concerns due to provider role expectations

- ♦ More limited emotional expression options, complicating symptom recognition

The findings of this study confirm the multi-level nature of mental illness stigma in Central Asian societies while providing empirical validation for several theoretical propositions. The results demonstrate how Soviet psychiatric legacies interact with traditional belief systems and contemporary socioeconomic pressures to create distinctive stigma manifestations that differ in important ways from those documented in Western contexts.

The empirical findings support our proposed multi-level theoretical model but suggest several refinements. First, the data indicate that structural, social, and internalized stigma are not merely parallel processes but interact in mutually reinforcing ways. For example, the physical isolation of psychiatric facilities (structural stigma) provides visual reinforcement for beliefs about the need to separate individuals with mental illness (social stigma), which in turn intensifies shame and treatment avoidance (internalized stigma).

Second, the findings challenge universalist assumptions in some stigma reduction approaches by demonstrating how collectivist value systems fundamentally alter stigma's operation. Unlike in individualistic societies where stigma primarily threatens personal identity, in Central Asian contexts, the primary threat is to family and collective identity. This explains the elaborated concealment practices documented in our research and suggests that family-oriented (rather than individual-oriented) interventions may be more effective.

Third, the results highlight the importance of historical context in understanding stigma mechanisms. The Soviet psychiatric legacy appears to have created paradoxical effects: while establishing basic mental health infrastructure, it simultaneously associated that infrastructure with coercion and social exclusion. This helps explain the contradictory finding that regions with better psychiatric infrastructure (Kazakhstan, Uzbekistan) do not necessarily demonstrate lower stigma levels.

Our findings both align with and extend previous research on mental illness stigma in post-Soviet and Muslim-majority societies. The high stigma levels documented here are consistent with studies from other post-Soviet states.

The gendered dimensions of stigma documented in this study parallel findings from other Muslim-majority regions but demonstrate specific Central Asian manifestations shaped by the region's distinctive history of Soviet gender policies followed by post-independence religious revival.

The treatment-seeking pathways identified here, with significant reliance on traditional healers before biomedical services, align with findings from other pluralistic medical systems but show particularly strong integration between Soviet and pre-Soviet explanatory models, creating distinctive hybrid understandings of mental illness.

Several limitations should be noted when interpreting these findings. First, the exclusion of Turkmenistan creates a gap in regional understanding. Second, despite efforts to reach marginalized populations, individuals with the most severe mental illnesses and those in the most remote areas may be underrepresented. Third, social desirability bias may have influenced some responses, particularly in focus groups and survey responses, potentially underestimating stigma levels. Finally, the cross-sectional nature of the data limits causal inferences about the relationships between cultural factors and stigmatizing attitudes.

The findings suggest several practical implications for mental health services and stigma reduction in Central Asian contexts:

1. **Integration of Services:** Given the documented treatment delays and reliance on traditional healers, developing collaborative models between psychiatric services and respected traditional healers may create more accessible pathways to evidence-based care.

2. **Family-Centered Approaches:** The centrality of family in both stigma perpetuation and protection suggests that family-focused interventions may be more effective than individual-targeted approaches. Programs that address family concerns about marriage prospects, community standing, and economic consequences may be particularly important.

3. **Gender-Specific Interventions:** The distinctly gendered nature of stigma experiences calls for tailored approaches that address the specific challenges faced by men and women with mental illness in these societies.

4. **Religious Engagement:** The influence of religious interpretations on stigmatizing attitudes suggests that engaging religious leaders in stigma reduction would be valuable, particularly in promoting compassionate theological interpretations of mental suffering.

5. **Structural Reforms:** Beyond attitude change, addressing structural manifestations of stigma – including the physical isolation of psychiatric facilities, discriminatory policies, and resource allocation – remains essential for comprehensive stigma reduction.

Conclusion

Mental illness stigma in Central Asian societies represents a complex phenomenon shaped by historical legacies, cultural beliefs, and contemporary socioeconomic conditions. The theoretical framework proposed in this article –integrating social identity theory, cultural psychology, and post-Soviet transition perspectives – provides a foundation for understanding stigma's operation across structural, social, and individual levels.

This framework suggests that effective approaches to reducing stigma and improving mental health outcomes in Central Asia must go beyond simple adaptation of Western anti-stigma campaigns to engage meaningfully with cultural concepts of self, family, and community; religious and traditional healing systems; and the complex legacy of Soviet psychiatric practice. By recognizing both the universal mechanisms of stigma and their culturally specific manifestations in Central Asian contexts, clinicians, public health professionals, and policymakers can develop more effective strategies for promoting mental health equity in this understudied region.

Further research is needed to empirically validate aspects of this theoretical model, particularly through methodologies that center Central Asian perspectives rather than imposing external frameworks. Additionally, comparative studies examining variations in stigma across different Central Asian countries and among various ethnic groups within these countries would add valuable nuance to this preliminary theoretical framework.

REFERENCES

- 1 Corrigan P.W., Watson A.C. Understanding the impact of stigma on people with mental illness // *World Psychiatry*. 2002, no. 1(1), pp. 16–20.
- 2 Abdullah T., Brown T.L. Mental illness stigma and ethnocultural beliefs, values, and norms: an integrative review // *Clinical Psychology Review*. 2011, no. 31(6), pp. 934–948.
- 3 Weine S., Bahromov M., Loue S., Owens L. Traditional practices and exposure to bodily fluids in Tajikistan // *Central Asian Survey*. 2017, no. 36(2), pp. 175–189.
- 4 Ruiz P., Bhugra D. *Textbook of cultural psychiatry*. Cambridge University Press, 2010.
- 5 Tajfel H., Turner J.C. An integrative theory of intergroup conflict // *The social psychology of intergroup relations*. 1979, pp. 33–47.
- 6 Juviler P.H. *Freedom's ordeal: The struggle for human rights and democracy in post-Soviet states*. University of Pennsylvania Press, 1998.
- 7 Schwartz S.H. Beyond individualism/collectivism: New cultural dimensions of values // *Individualism and collectivism: Theory, method, and applications*. Sage Publications. 1994, pp. 85–119.
- 8 Werner C.A., Donahue C., Hohmann S. Negotiating Social Change in Kazakhstan: An Ethnography of Health Workshops // *Central Asian Survey*. 2017, no. 36(1), pp. 81–97.
- 9 Kleinman A. *Rethinking psychiatry: From cultural category to personal experience*. Free Press, 1988.
- 10 Hohmann S., Riva S., Vaissov M. Traditional medicine and healing practices in Post-Soviet Central Asia // *Health, Culture and the Human Body*. 2010, pp. 233–244).
- 11 Kuramysova K., Lund C., Skeen S., Alem A., Abdumalik J., Adebimpe Y., Thornicroft G. Mental health and the right to health in Post-Soviet countries // *The Lancet Psychiatry*. 2015, no. 2(11), pp. 956–957.
- 12 Lavretsky H. The Russian concept of schizophrenia: A review of the literature // *Schizophrenia Bulletin*. 1998, no. 24(4), pp. 537–557.
- 13 van Voren R. Political abuse of psychiatry – An historical overview // *Schizophrenia Bulletin*. 2010, no. 36(1), pp. 33–35.
- 14 Field M.G., Twigg J.L. *Russia's torn safety nets: Health and social welfare during the transition*. Macmillan, 2000.
- 15 Hohmann S. National identity and mental health reform in Post-Soviet Kyrgyzstan. *Anthropology of East Europe Review*. 2010, no. 28(1), pp. 59–84.

КУЛИК К.В.,*¹

PhD, ассоциированный профессор.

*e-mail: kulkw@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-3736-2078

¹Алматинский гуманитарно-экономический
университет,
г. Алматы, Казахстан

СТИГМАТИЗАЦИЯ И ПСИХИЧЕСКИЕ ЗАБОЛЕВАНИЯ В ОБЩЕСТВАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Аннотация

В этой статье рассматриваются теоретические основы стигматизации психических заболеваний в обществах Центральной Азии, с особым акцентом на Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан. Опираясь на теорию социальной идентичности, культурную психологию и основы постсоветского переходного периода, мы исследуем, как историческое наследие, культурные верования и социально-экономические факторы способствуют стигматизации психических расстройств в регионе. В статье утверждается, что стигматизация психических заболеваний в Центральной Азии проявляется на нескольких уровнях – структурном, социальном и интернализированном – и глубоко укоренилась в коллективистских культурных рамках, которые подчеркивают честь семьи и общественное мнение. Мы предлагаем комплексную теоретическую модель, которая объединяет наследие советской психиатрии с традиционными системами верований и современным социально-экономическим давлением. Эта модель обеспечивает основу для понимания мер по снижению стигматизации и клинических подходов, которые могут оказаться эффективными в условиях Центральной Азии.

Ключевые слова: стигматизация психических заболеваний, коллективизм, советская психиатрия, социальная идентичность, культурная психология.

КУЛИК К.В.,*¹

PhD, қауымдастырылған профессор.

*e-mail: kulkw@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-3736-2078

¹Алматы гуманитарлық
экономикалық университеті,
Алматы қ., Қазақстан

ОРТАЛЫҚ АЗИЯ ҚОҒАМДАРЫНДАҒЫ СТИГМАТИЗАЦИЯ ЖӘНЕ ПСИХИКАЛЫҚ АУРУЛАР: ТЕОРИЯЛЫҚ ПЕРСПЕКТИВАЛАРЫ МЕН САЛДАРЫ

Андатпа

Бұл мақалада Қазақстан, Қырғызстан, Тәжікстан, Түрікменстан және Өзбекстанға ерекше назар аударатырып, Орталық Азия қоғамдарындағы психикалық ауруларды стигматизациялаудың теориялық негіздері қарастырылады. Әлеуметтік сәйкестілік теориясына, мәдени психологияға және посткеңестік өтпелі кезеңнің негіздеріне сүйене отырып, біз тарихи мұраның, мәдени нанымдардың және әлеуметтік-экономикалық факторлардың аймақтағы психикалық бұзылулардың стигматизациясына қалай ықпал ететінін зерттейміз. Мақалада Орталық Азиядағы психикалық аурулардың стигматизациясы бірнеше деңгейде – құрылымдық, Әлеуметтік және ішкі деңгейде көрінеді және отбасының абыройы мен қоғамдық пікірді көрсететін ұжымдық мәдени шеңберде терең тамыр жайған деп мәлімдейді. Біз кеңестік психиатрия мұрасын дәстүрлі сенім жүйелерімен және қазіргі әлеуметтік-экономикалық қысыммен біріктіретін кешенді теориялық модельді ұсынамыз. Бұл модель Орталық Азия жағдайында тиімді болуы мүмкін стигматизацияны төмендету шаралары мен клиникалық тәсілдерді түсінуге негіз береді.

Тірек сөздер: психикалық ауруларды стигматизациялау, коллективизм, кеңестік психиатрия, әлеуметтік сәйкестілік, мәдени психология.

3 APPLIED PSYCHOLOGY AND RESEARCH ҚОЛДАНБАЛЫ ПСИХОЛОГИЯ ЖӘНЕ ЗЕРТТЕУЛЕР ПРИКЛАДНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ

ISTIC 15.21.51
UDC 159.99

<https://doi.org/10.46914/2959-3999-2024-1-4-23-30>

BELYAKOVA A.D.,*¹

master of social sciences, senior lecturer.

*e-mail: 23242578@turan-edu.kz

ORCID ID: 0009-0002-1497-0262

MUN M.V.,¹

c.ps.s., associate professor.

e-mail: m.mun@turan-edu.kz

ORCID ID: 0000-0003-0714-3445

LOGINOVA N.A.,²

d.ps.s., professor.

e-mail: n.loginova@spbu.ru

ORCID ID: 0000-0002-3460-3497

¹Turan University,

Almaty, Kazakhstan

²St.Petersburg State University,

Saint Petersburg, Russia

LIFE STRATEGY AND VOCATIONAL SELF-DETERMINATION DURING EARLY ADOLESCENCE: INTERCONNECTIONS AND CHARACTERISTICS

Abstract

This study investigates the correlation between life strategy and career choice among high school students. The objective is to identify the relationship between temperament parameters (according to V.M. Rusalov's QFDPI methodology), personality traits (Big Five), and professional type (according to J. Holland) on the one hand, and future career choice on the other. The study involved 68 tenth-grade students. The following methods were used to collect data: the Big Five Questionnaire (adapted by A.B. Khromov), V.M. Rusalov's questionnaire of formal-dynamic properties of individuality (QFDPI), and J. Holland's test of professional personality type. The obtained data were subjected to correlational analysis to identify relationships between the studied variables. The results of the study showed that the formation of a professional personality type in tenth-grade students is closely related to the features of their life strategy. A combination of such characteristics as energy, extraversion, and openness to experience is typical of people with an active life strategy and is often associated with choosing professions that require initiative and leadership qualities. At the same time, conscientiousness and low levels of neuroticism contribute to the formation of more long-term and realistic life plans, which can be reflected in career choice and career building. By linking the research results to the concept of life strategy, we obtain a more holistic understanding of how individual personality traits influence professional choice and life path in general. This allows for more effective psychological assistance to adolescents in the process of career self-determination.

Key words: personality, life strategy, vocational self-determination, personality traits, early adolescence, life choices.

Introduction

The relevance of this study is determined by the increasing significance of the problem of career choice in the modern socio-economic conditions of the Republic of Kazakhstan [1]. The dynamic development of the labor market, driven by scientific and technological progress and globalization, places increasingly high demands on modern specialists. In this regard, choosing a profession becomes one of the most important decisions in a young person's life. The research problem lies in the need for a deeper understanding of the factors influencing the choice of a professional path among high school students. Despite a significant number of studies [2] devoted to the study of career choice, many aspects of this process remain insufficiently studied, especially in the context of modern realities.

The primary objective of this study is to systematize theoretical concepts of professional self-determination among high school students and to empirically test the hypothesis that the choice of profession is influenced by various socio-psychological factors, including interests, abilities, values, social expectations, and others.

The novelty of this research lies in an in-depth analysis of the factors influencing high school students' career choices within the context of contemporary socio-economic conditions in Kazakhstan.

The theoretical significance of this research lies in expanding theoretical understandings of individual career choice and in clarifying the roles of various factors in this process.

The practical significance of this research lies in the potential to develop more effective career guidance programs that take into account individual personality traits and contemporary labor market demands. The research findings can be used to create psychometric tools for assessing the vocational interests and aptitudes of high school students.

Thus, the study of the relationship between personality traits and career choice suggests the presence of a mediating variable life strategies. Life strategies, as relatively stable ways of interacting with the environment, are formed under the influence of a combination of factors, including personality traits and social experience. It is they, in our opinion, that determine which professional spheres will be most attractive to an individual and correspond to his or her values and goals.

The object of this study is the personality of an adolescent at the stage of choosing a professional path. The subject of the study is the temperamental and personal characteristics of high school students in the context of career choice. The research hypothesis is that an individual's personality profile, composed of temperamental traits, personal qualities, and emotional intelligence level, acts as a determinant of a high school student's career choice.

The rapid development of cognitive functions during adolescence opens new avenues for young people to develop life strategies aimed at self-realization and personal goal achievement. The enhancement of formal operational thought, critical thinking, and reflection contributes to the development of adolescents' ability to make independent decisions, set goals, and plan their lives.

Studies have demonstrated a strong correlation between cognitive changes during adolescence and the development of identity and values [6]. A comprehensive understanding of these interconnections enables the development of programs aimed at supporting adolescents in their personal growth and life choices.

The central question of our research is to examine the social situation of development of high school students in the context of career choice [7, 8]. The transition to senior grades is accompanied by the need to make responsible decisions about future professional activities. Educational and professional activities become leading and require adolescents to make a conscious choice of a professional trajectory, taking into account individual characteristics, interests, and abilities. According to N.S. Pryazhnikov [9], the main goal of career guidance is to develop in high school students an internal readiness for independent realization in the professional sphere.

Identity formation in adolescence is a dynamic process through which individuals actively construct their sense of self within a sociocultural context [10]. While vocational self-concept is one aspect of this process, deeper questions about the meaning of life, values, and one's place in society underlie it.

The value-semantic sphere serves as a kind of compass, guiding adolescents through the stormy sea of life. It is precisely the system of values that determines their life priorities, motivates them to act, and shapes a stable worldview [11, 12]. Adolescents actively seek answers to questions about

good and evil, justice and injustice, and the meaning of life. These searches largely determine their future career choices and life path. Thus, identity formation during adolescence is a complex process that intertwines cognitive, emotional, and social aspects. Vocational self-determination and the value-semantic sphere are interconnected components that define an adolescent's life path.

The issue of vocational self-determination has been extensively explored by both domestic and foreign researchers. Kazakhstani scholars, such as Zh. Aymaulytov and Kh.T. Sheryazdanova, have made significant contributions to this field by investigating the specific features of individual career orientation and the role of career guidance [13, 14]. Domestic research has also encompassed a wide range of issues, including youth employment strategies and the influence of external factors, such as the labor market, on career development. According to I.M. Kondakov and A.V. Sukharev, foreign researchers have proposed diverse approaches to studying career development, which can be conditionally divided into five main directions [15].

Materials and methods

The study was conducted at Secondary School No. 118, Zhetysu district, Almaty, among 68 10th-grade students aged 14–17. To exclude the influence of social desirability bias, data from 13 participants were excluded. To obtain empirical data on the relationship between temperament, personality traits, and career choice among high school students, the following diagnostic tools were used: the five-factor personality inventory (adapted by A.B. Khromov) [3], which allows assessing the main personality traits; Rusalov's questionnaire of formal-dynamic personality properties [4], aimed at studying the dynamic features of temperament; and Holland's vocational personality type test [5], which allows determining inclinations towards different types of professional activity.

To assess the personality structure of the participants, the Big Five Inventory (BF5; Russian adaptation by A.B. Khromov) was used. The questionnaire consists of 75 items designed to measure five universal personality traits: extraversion, openness to experience, conscientiousness, agreeableness, and neuroticism. Respondents rated each item on a 5-point Likert scale, indicating their level of agreement or disagreement. The resulting data were subjected to standard processing procedures, including the summation of scores for each of the five scales.

To assess the characteristics of temperament in the psychomotor, intellectual, and communicative spheres, the Rusalov Formally-Dynamic Properties of Personality Questionnaire (QFDPI) was used. This methodology consists of 150 statements that allow for the evaluation of typical behavioral patterns. Data processing is carried out using 13 scales characterizing various aspects of temperament, and six integral indicators reflecting overall activity and personality adaptability.

To diagnose the professional interests and inclinations of the subjects, the Holland's vocational preference inventory was used. This methodology is based on the theory of congruence between personality and professional environment. Research participants ranked pairs of professions reflecting six personality types: realistic, investigative, artistic, social, enterprising, and conventional. The obtained results allowed for the creation of an individual professional profile for each subject, determining the most suitable types of activities and working conditions.

To delve deeper into the participants' vocational preferences, individual interviews were conducted following psychometric assessments. These discussions, focused on eliciting professional interests, prompted participants to articulate their own perceptions of future careers. The resulting data not only identified preferred fields of activity but also revealed the challenges faced by high school students in making career choices. Based on these findings, a comprehensive list of occupations was compiled and subsequently categorized into six types according to Holland's typology.

To examine the relationship between high school students' individual career preferences and Holland's vocational types, a data analysis of survey results was conducted. Findings indicate that a majority of participants exhibited congruence between their stated career preferences and one of Holland's six types. For instance, students who selected art-related professions (e.g., model, musician, designer) were predominantly classified as artistic. However, instances where career choices did not align neatly with Holland's typology were observed (e.g., a student with a realistic type choosing a career as a cosmetologist). This incongruence may be attributed to the influence of additional factors such as social stereotypes, prestige associated with certain occupations, and accessibility of training.

Results and discussion

Senior high school students' career choices are significantly influenced by individual personality traits, including temperament and character. Vocational preferences among adolescents are shaped by a combination of personal factors such as temperament, interests, and values. Individual differences in career choice among high school seniors are linked to their unique personality characteristics and value systems. The developed model of factors influencing career choice among high school students demonstrates the differential nature of the career choice process among senior high school students, traces the link between career choice and individual personality traits, and improves the structure of work of educational institution psychologists and contributes to increasing the effectiveness of psychodiagnostic activities of specialists within the framework of career guidance. The vocational preferences of senior high school students demonstrate a high degree of individuality and are associated with a variety of life strategies. An analysis of these strategies allows for the identification of differential patterns of career choice and the development of more personalized career guidance programs.

The results of the correlational analysis (Table 1) indicate a significant positive correlation between the social personality type and both ergic and plastic dimensions of intelligence.

1. Individuals with a social personality type, characterized by developed communicability, empathy, and adaptability, exhibit high levels of intellectual abilities, a drive for mental activity, and flexibility in switching between different types of intellectual activity. These findings support the hypothesis that high school students with a pronounced social personality type are more likely to succeed in professions requiring developed communication skills and the ability to interact with people (psychologist, social worker, teacher, etc.).

Table 1 – Correlations between temperament parameters (Rusalov's QFDPI), Big Five personality traits, Holland's occupational type, and career choice (individual interview) among 10th-grade students

Temperament parameter	The career type			
	Social type	Realistic type	Enterprising type	Undifferentiated type
Intellectual energy	,474*			
Intellectual flexibility	,454*			
Communication speed			,512*	
Affective communication		-,512*		
Personality trait				
Extraversion		-,498*		
Conscientiousness				-,442*
Openness to experience				-,437*
*p<0,05.				
Note: Compiled by the authors.				

2. Analysis of the obtained data revealed a statistically significant negative correlation between the realistic personality type and two key personality characteristics: emotional expressiveness in communication and extraversion ($p < 0.05$).

Individuals exhibiting a realistic personality type tend to demonstrate lower sensitivity to social failures and reduced expressiveness of extraverted traits such as sociability and the drive for social interactions. Instead, they are characterized by greater introversion, independence, and a propensity for autonomous work.

The findings support the hypothesis that the choice of realistic professions (engineer, technician, agronomist, etc.) is associated with a specific personality profile characterized by low levels of emotional involvement in interpersonal relationships and a preference for independent work. Thus, it can be inferred that introversion and low emotional sensitivity in communication contribute to the

development of interest in technical and natural science fields, which are dominated by tasks requiring precision, rationality, and independent problem-solving.

3. A statistically significant positive correlation was found between the enterprising personality type and communication speed ($p < 0.05$). This suggests that the development of verbal abilities in adolescents may be a contributing factor in the formation of an entrepreneurial orientation. Individuals with a high level of entrepreneurialism tend to exhibit higher speech rates, enabling them to effectively interact with others, persuade, and motivate. The choice of professions such as lawyer, diplomat, marketer, businessman, journalist, and director is associated with the need for constant communication and the ability to express oneself quickly and clearly.

4. The study revealed that high school students experiencing uncertainty in their future career choices exhibited significantly lower scores on the conscientiousness and openness to experience scales ($p < 0.05$). Individuals with high levels of uncertainty tended to be careless, inconsistent in their actions, and showed less interest in new knowledge and experiences. These findings suggest that a lack of clear career preferences is associated with underdeveloped self-regulation, planning skills, and a drive for self-development.

The study revealed a significant correlation between high school students' career decision-making and their temperamental and personality traits. Specifically, temperamental traits such as energy level, plasticity, speed, and emotional expressiveness in communication, in conjunction with personality traits such as extraversion, conscientiousness, and openness to experience, exert a substantial influence on the formation of vocational preferences. These findings expand our understanding of the psychological mechanisms underlying career choice and can be utilized to develop more effective career guidance programs.

The findings suggest that temperament and personality traits play a significant role in shaping the vocational interests and preferences of high school students. However, further research is needed to fully understand this phenomenon by investigating the interplay of various psychological factors influencing career choice.

Conclusion

The findings of this study confirm that high school students' career choices are not random but rather the result of a complex interplay of various psychological factors. Temperament and personality traits play a pivotal role in this process, shaping both adolescents' interests and aptitudes and their ability to adapt to the demands of different professions. Recognizing this interrelationship enables more effective career counseling that takes into account the individual characteristics of each student. In an era of a rapidly changing labor market and increasing competition, the issue of career development has become increasingly pressing. The results of this study contribute to the development of contemporary career counseling grounded in the principles of individualization and personalization. They underscore the importance of creating a learning environment that fosters students' abilities for self-awareness and self-development. The conducted research has provided answers to several important questions related to the influence of psychological factors on career choice. However, it also opens up new avenues for further research. For instance, it would be interesting to examine how socioeconomic factors interact with psychological characteristics in the process of career development. Additionally, a promising direction for future research is the study of the dynamics of career interests throughout adolescence and young adulthood.

REFERENCES

- 1 Дуйсенбеков Е.Б., Байкулова А.М. Профессиональная ориентация и профессиональное самоопределение как психолого-педагогическое явление и процесс // Вестник Казахского национального женского педагогического университета. – 2020. – № 1. – С. 169–174.
- 2 Атаева С.А., Бабаева З., Ковусова Э. Методы профориентации в современной психологии: подходы и перспективы // Вестник науки. – 2023. – Т. 1. – № 10(67). – С. 226–230.
- 3 Хромов А.Б. Пятифакторный опросник личности: учебно-методическое пособие. – Курган: Изд-во Курганского гос. университета, 2000. – 23 с.

- 4 Русалов В.М. Опросник формально-динамических свойств индивидуальности: учебно-метод. пособие. – М., 1997. – 35 с.
- 5 Резапкина Г.В. Психология и выбор профессии: программа предпрофильной подготовки. Учебно-методическое пособие для психологов и педагогов. – М.: Генезис. – 2005. – 208 с.
- 6 Ходжаев Б.Х. Общая характеристика подросткового возраста и становление самосознания в подростковый период // Academic research in educational sciences. 2021. Vol. 2. No. CSPI conference 1. P. 1102–1109.
- 7 Захарова И.В. Профессиональное самоопределение старшеклассников: социальные факторы и личные мотивы // Образование и саморазвитие. – 2021. – Т. 16. – №. 4. – С. 120–135.
- 8 Андрианов А.С. Профессиональное самоопределение старшеклассников в построении образовательной стратегии // Академическая мысль. – 2022. – №. 3(20). – С. 12–16.
- 9 Пряхников Н.С. Мотивация и стимулирование трудовой деятельности: учебник и практикум для вузов. – Москва: Издательство Юрайт, 2024. – 365 с. URL: <https://urait.ru/bcode/536703> (дата обращения: 11.12.2024)
- 10 Ситникова И.В. Образ будущей профессии в построении профессиональных планов студентов // Молодежь: актуальные социальные практики. – 2020. – С. 95–111.
- 11 Корнеева А.В. Ценностно-смысловой аспект профессиональной самореализации личности // Вестник педагогических наук. – 2021. – № 7. – С. 121–123.
- 12 Резапкина Г.В. Две модели сопровождения выбора профессии // Digital society as a cultural and historical context of human development. – 2020. – С. 328–333.
- 13 Бейсембаев Г.Б., Шерьязданова Х.Т. Новая технология проведения профориентационной работы // Высшее образование сегодня. – 2015. – №. 6. – С. 32–36.
- 14 Садыкова А., Атемова К., Джексенбаева К. Жоғары сынып оқушыларының кәсіп таңдауына әсер етуші психологиялық факторлар // Вестник КазНПУ имени Абая. Серия: Психология. – 2024. – Т. 79. – № 2.
- 15 Кондаков И.М., Сухарев А.В. Методологические основания зарубежных теорий профессионального развития // Вопросы психологии. – 1989. – Т. 5. – С. 158–164.

REFERENCES

- 1 Dujsenbekov E.B., Bajkulova A.M. (2020) Professional'naja orientacija i professional'noe samoopredelenie kak psihologo-pedagogicheskoe javlenie i process // Vestnik Kazahskogo nacional'nogo zhenskogo pedagogicheskogo universiteta. No. 1. P. 169–174. (In Russian).
- 2 Ataeva S.A., Babaeva Z., Kovusova Je. (2023) Metody proforientacii v sovremennoj psihologii: podhody i perspektivy // Vestnik nauki. T. 1. No. 10(67). P. 226–230. (In Russian).
- 3 Hromov A.B. (2000) Pjatifaktornyj oprosnik lichnosti: uchebno-metodicheskoe posobie. Kurgan: Izdvo Kurganskogo gos.universiteta, 23 p. (In Russian).
- 4 Rusalov V.M. (1997) Oprosnik formal'no-dinamicheskix svojstv individual'nosti: uchebno-metod. posobie. M., 35 p. (In Russian).
- 5 Rezapkina G.V. (2005) Psihologija i vybor professii: programma predprofil'noj podgotovki. Uchebno-metodicheskoe posobie dlja psihologov i pedagogov. M.: Genезis. 208 p. (In Russian).
- 6 Hodzhaev B.H. (2021) Obshhaja harakteristika podrostkovoego vozrasta i stanovlenie samosoznanija v podrostkovoem period // Academic research in educational sciences. Vol. 2. No. CSPI conference 1. P. 1102–1109. (In Russian).
- 7 Zaharova I.V. (2021) Professional'noe samoopredelenie starsheklassnikov: social'nye faktory i lichnye motivy // Obrazovanie i samorazvitie. V. 16. No. 4. P. 120–135. (In Russian).
- 8 Andrianov A.S. (2022) Professional'noe samoopredelenie starsheklassnikov v postroenii obrazovatel'noj strategii // Akademicheskaja mysl'. No. 3(20). P. 12–16. (In Russian).
- 9 Prjashnikov N.S. (2024) Motivacija i stimulirovanie trudovoj dejatel'nosti: uchebnik i praktikum dlja vuzov. Moskva: Izdatel'stvo Jurajt, 365 p. URL: <https://urait.ru/bcode/536703> (data obrashhenija: 11.12.2024). (In Russian).
- 10 Sitnikova I.V. (2020) Obraz budushhej professii v postroenii professional'nyh planov studentov // Molodezh': aktual'nye social'nye praktiki. P. 95–111. (In Russian).
- 11 Korneeva A.V. (2021) Cennostno-smyslovoj aspekt professional'noj samorealizacii lichnosti // Vestnik pedagogicheskix nauk. No. 7. P. 121–123. (In Russian).
- 12 Rezapkina G.V. (2020) Dve modeli soprovozhdenija vybora professii // Digital society as a cultural and historical context of human development. P. 328–333. (In Russian).

- 13 Bejsembaev G.B., Sher'jazdanova H.T. (2015) Novaja tehnologija provedenija proforientacionnoj raboty // Vysshee obrazovanie segodnja. No. 6. P. 32–36. (In Russian).
- 14 Sadykova A., Atemova K., Jeksenbaeva K. (2024) Joğary synyp oquşylarynyň käsip tañdaýyna äser etuşi psihologialyq faktorlar // Vestnik KazNPU imeni Abaia. Seria: Psihologia. V. 79. No. 2. (In Kazakh).
- 15 Kondakov I.M., Suharev A.V. (1989) Metodologicheskie osnovaniya zarubezhnyh teorij professional'nogo razvitija // Voprosy psihologii. V. 5. P. 158–164. (In Russian).

БЕЛЯКОВА А.Д.,*¹

м.соц.н., сениор-лектор.

*e-mail: 23242578@turan-edu.kz

ORCID ID: 0009-0002-1497-0262

МУН М.В.,¹

к.пс.н., ассоциированный профессор.

e-mail: m.mun@turan-edu.kz

ORCID ID: 0000-0003-0714-3445

ЛОГИНОВА Н.А.,²

д.пс.н., профессор.

e-mail: n.loginova@spbu.ru

ORCID ID: 0000-0002-3460-3497

¹Университет «Туран»,

г. Алматы, Казахстан

²Санкт-Петербургский

государственный университет,

г. Санкт-Петербург, Россия

ЖИЗНЕННАЯ СТРАТЕГИЯ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ В ПЕРИОД РАННЕЙ ЮНОСТИ: ВЗАИМОСВЯЗИ И ОСОБЕННОСТИ

Аннотация

Данная работа посвящена исследованию взаимосвязи между жизненной стратегией и выбором профессии у старшеклассников. Целью исследования является выявление взаимосвязи между параметрами темперамента (по методике ОФДСИ В.М. Русалова), чертами личности (Большая пятерка) и профессиональным типом (по Дж. Холланду), с одной стороны, и выбором будущей профессии – с другой. В исследовании приняли участие 68 учащихся десятых классов. Для сбора данных использовались следующие методики: Биг 5 (пятифакторный личностный опросник в адаптации А.Б. Хромова); опросник формально-динамических свойств индивидуальности (ОФДСИ) В.М. Русалова; тест профессионального личностного типа Дж. Холланда. Полученные данные были подвергнуты корреляционному анализу для выявления взаимосвязей между изучаемыми переменными. Результаты исследования показали, что формирование профессионального личностного типа у учащихся 10-го класса тесно связано с особенностями их жизненной стратегии. Комбинация таких характеристик, как эргичность, экстраверсия и открытость опыту, характерна для людей с активной жизненной стратегией и часто связана с выбором профессий, требующих инициативности и лидерских качеств. В то же время добросовестность и низкий уровень нейротизма способствуют формированию более долгосрочных и реалистичных жизненных планов, что может отразиться на выборе профессии и построении карьеры. Связывая результаты исследования с понятием жизненной стратегии, мы получаем более целостное представление о том, как индивидуальные особенности личности влияют на профессиональный выбор и жизненный путь в целом. Это позволяет более эффективно оказывать психологическую помощь подросткам в процессе профессионального самоопределения.

Ключевые слова: личность, стратегия жизни, профессиональное самоопределение, индивидуально-психологические особенности, ранняя юность, жизненный выбор.

БЕЛЯКОВА А.Д.,*¹

әлеум.ғ.м., сениор-лектор.

*e-mail: 23242578@turan-edu.kz

ORCID ID: 0009-0002-1497-0262

МУН М.В.,¹

пс.ғ.к., қауымдастырылған профессор.

e-mail: m.mun@turan-edu.kz

ORCID ID: 0000-0003-0714-3445

ЛОГИНОВА Н.А.,²

пс.ғ.к., профессор.

e-mail: n.loginova@spbu.ru

ORCID ID: 0000-0002-3460-3497

¹«Туран» университеті,

Алматы қ., Қазақстан

²Санкт-Петербург

мемлекеттік университеті,

Санкт-Петербург қ., Ресей

ЖАСТЫҚ ШАҚТАҒЫ ӨМІРЛІК СТРАТЕГИЯ МЕН КӘСІБИ БАҒДАРЛАНУДЫҢ: ӨЗАРА БАЙЛАНЫСЫ МЕН ЕРЕКШЕЛІКТЕРІ

Андатпа

Бұл зерттеу жасөспірімдердің өмірлік стратегиясы мен кәсіптік бағдарды таңдауы арасындағы байланысты зерттеуге арналған. Зерттеудің мақсаты – темпераменттің параметрлері (В.М. Русаловтың ОФДСИ әдістемесі бойынша), жеке тұлғаның қасиеттері (Үлкен бестік) және кәсіби тип (Дж. Холланд бойынша) арасындағы өзара байланысты, бір жағынан, ал болашақ кәсіпті таңдаумен – екінші жағынан анықтау болып табылады. Зерттеуге 10-сынып оқушыларының 68-і қатысты. Деректерді жинау үшін келесі әдістер қолданылды: Биг 5 (А.Б. Хромовтың бейімдеуіндегі бес факторлы жеке тұлғалық сауалнамасы); В.М. Русаловтың формальды-динамикалық жеке тұлғалық қасиеттер сауалнамасы (ОФДСИ); Дж. Холландтың кәсіби жеке тұлғалық типінің тесті. Алынған деректер зерттелетін айнымалылар арасындағы өзара байланысты анықтау үшін корреляциялық талдауға ұшыратылды. Зерттеу нәтижелері 10-сынып оқушыларының кәсіби жеке тұлғалық типінің қалыптасуы олардың өмірлік стратегиясының ерекшеліктерімен тығыз байланысты екенін көрсетті. Эргичность, экстраверсия және жаңа тәжірибеге ашықтық сияқты қасиеттердің үйлесуі белсенді өмірлік стратегиясы бар адамдарға тән және жиі бастамашылдық пен лидерлік қасиеттерді талап ететін кәсіптерді таңдаумен байланысты. Сонымен қатар, адалдық және нейротизмнің төмен деңгейі ұзақ мерзімді және реалистік өмірлік жоспарларды қалыптастыруға ықпал етеді, бұл кәсіпті таңдауға және мансап құруға әсер етуі мүмкін. Зерттеу нәтижелерін өмірлік стратегия ұғымымен байланыстыра отырып, жеке тұлғаның жеке ерекшеліктері кәсіптік таңдауға және өмір жолына қалай әсер ететіні туралы толық бейне алуға болады. Бұл жасөспірімдерге кәсіби өзін-өзі анықтау процесінде психологиялық көмек көрсетудің тиімді әдістерін әзірлеуге мүмкіндік береді.

Тірек сөздер: тұлға, өмірлік стратегия, кәсіби өзін-өзі анықтау, жеке психологиялық ерекшеліктер, ерте жасөспірім, өмірлік таңдау.

4 PEDAGOGY AND EDUCATIONAL METHODOLOGY ПЕДАГОГИКА ЖӘНЕ БІЛІМ БЕРУ ӘДІСТЕМЕСІ ПЕДАГОГИКА И МЕТОДИКА ОБРАЗОВАНИЯ

FTAXP 14.33.09

ӨОЖ 377.5.02:37.016

<https://doi.org/10.46914/2959-3999-2024-1-4-31-37>**МАУЛЕНОВ Н.О.,*¹**

Т.ғ.к., доцент.

*e-mail: maulenov74@mail.ru

ORCID ID: 0009-0007-7537-0339

¹Q University,

Алматы қ., Қазақстан

ПЕДАГОГИКАЛЫҚ ДИАГНОСТИКА НЕГІЗІНДЕ БЕЙІМДЕЛГЕН ОҚЫТУДЫ ҚОЛДАУ ҮШІН БІЛІМ ҚОРЫН ДАМУ

Аңдатпа

Бұл мақалада педагогикалық диагностика негізінде бейімделген оқытуды қолдау үшін білім қорын дамыту процесі қарастырылады. Бейімделіп оқыту білім берудегі тұлғаланған тәсілдердің маңызды құралына айналып, білім беру процесін оқушылардың жеке ерекшеліктеріне қарай динамикалық түрлендіруге мүмкіндік береді. Педагогикалық диагностиканың оқушылардың күшті және әлсіз жақтарын анықтаудағы, сондай-ақ дараланған оқыту траекториясын қалыптастырудағы рөліне ерекше назар аударылады. Мақалада диагностикалық деректерді өңдеу мен интерпретациялауды автоматтандыру үшін жасанды интеллект, сараптамалық жүйелер мен аналитикалық құралдарды пайдалана отырып, қолданыстағы әдістер мен тәсілдер талданады. Білім беру стратегияларын неғұрлым дәл диагностикалау мен оңтайландыруды қамтамасыз ету арқылы білім беру процесінің тиімділігін айтарлықтай арттыра алатын білім қорының тұжырымдамалық моделі ұсынылған.

Тірек сөздер: бейімделген оқыту, педагогикалық диагностика, білім қоры, дербестендірілген оқыту, жасанды интеллект, сараптамалық жүйелер, білім беру технологиялары.

Кіріспе

Заманауи білім беру қарқынды дамып келеді және негізгі тенденциялардың бірі – оқушылардың жеке ерекшеліктері мен қажеттіліктеріне негізделген жекелендірілген оқытуға көшу. Бұл саладағы перспективті бағыттардың бірі – білім алушының дайындық деңгейіне, қабылдау стиліне және қазіргі білім жағдайына байланысты оқу процесін динамикалық түрде өзгертуге мүмкіндік беретін бейімді оқыту [1].

Бейімделетін оқытуды жүзеге асыру үшін білім деңгейін нақты бағалау және жекелендірілген оқыту траекториясын құру механизмдері қажет. Бұл процесте студенттердің күшті және әлсіз жақтарын анықтауға, сондай-ақ олардың одан әрі білім алу жолын болжауға бағытталған педагогикалық диагностика маңызды рөл атқарады [2]. Дегенмен, педагогикалық диагностика әдістерін тиімді қолдану үлкен көлемдегі деректерді өңдеуге және талдауға мүмкіндік беретін тиісті технологиялық қолдауды қажет етеді.

Педагогикалық диагностика – оқу-тәрбие процесін оңтайландыру мақсатында оқушылардың білімін, дағдысын және қиындықтарын анықтау және талдау процесі. Дегенмен, дәстүрлі диагностикалық әдістер көбінесе айтарлықтай уақыт пен адам ресурстарын қажет етеді, бұл

олардың ауқымды қолданылуын қиындатады [3]. Бұл мәселені шешу диагностикалық деректерді өңдеу және интерпретациялау процестерін автоматтандыратын, сондай-ақ қабылданған шешімдердің объективтілігін арттыратын білім базасын дамыту болуы мүмкін.

Бейімделетін оқытуды қолдау үшін білім базасын құру педагогикалық ақпаратты жүйелеу және жекелендірілген ұсыныстарды қалыптастыру үшін жасанды интеллект әдістерін, сараптамалық жүйелерді және аналитикалық құралдарды біріктіруді қамтиды. Бұл мақалада мұндай деректер қорын құрудың тұжырымдамалық негіздері қарастырылады, педагогикалық диагностиканың қолданыстағы тәсілдері талданады, білім беру үдерісінің тиімділігін арттыру үшін деректерді интеллектуалды өңдеу әдістері ұсынылады [4].

Бұл мәселені шешудің бір шешімі – диагностикалық нәтижелерді автоматтандырылған талдау және оқыту бойынша ұсыныстарды қалыптастыру үшін негіз болатын білім қорын әзірлеу. Мұндай білім қорына педагогикалық диагностика үлгілері, оқу үлгерімін бағалаудың сараптамалық ережелері, сондай-ақ оңтайлы білім беру стратегияларын тандау алгоритмдері кіруі мүмкін. Мұндай жүйелерді қолдану диагностиканың дәлдігін арттырады және оқытуға жеке көзқарасты қамтамасыз етеді [5].

Бұл мақалада бейімделген оқытуды қолдау үшін білім қорын әзірлеу тәсілдері қарастырылады, педагогикалық диагностиканың қолданыстағы әдістері талданады, білім беру үдерісін интеллектуалды қолдауды қамтамасыз ететін жүйенің тұжырымдамалық моделі ұсынылады.

Материалдар мен әдістер

Педагогикалық диагностика негізінде бейімделген оқытуды қолдау үшін білім қорын дамыту қолданыстағы диагностикалық әдістерді талдауды, деректерді өңдеудің заманауи технологияларын пайдалануды және білім беру процесін дербестендіру үшін жасанды интеллект алгоритмдерін қолдануды қамтитын кешенді тәсілді қажет етеді.

Педагогикалық диагностика әдістерін талдау педагогикалық диагностика тестілеуді, сауалнаманы, қателерді талдауды және оқушылардың оқу әрекетін бақылауды қамтитын білімді бағалау әдістерінің кең спектрін қамтиды. Бұл зерттеуде келесі диагностикалық тәсілдер қарастырылды:

- ♦ оқу материалын меңгеру деңгейін анықтауға және білімдегі олқылықтарды анықтауға бағытталған когнитивті диагностика;
- ♦ психологиялық-педагогикалық тестілеу, оқушылардың жеке ерекшеліктерін ескере отырып (ойлау стилі, мотивация деңгейі, ақпаратты меңгеру қарқыны) [6];
- ♦ тарихи деректер негізінде оқытудың сәттілігін болжауға арналған машиналық оқыту әдістері.

Білім қорының моделін құру Білім қоры студенттер туралы, олардың үлгерімі мен диагностикалық нәтижелері туралы жүйеленген ақпарат негізінде қалыптасады. Оның құрылымына мыналар кіреді:

- ♦ нақты білім: өткен курстар, тест нәтижелері, оқу үлгерімі туралы деректер;
- ♦ диагностикалық модельдер: деректерді түсіндіру және ұсыныстар жасау үшін қолданылатын ережелер мен алгоритмдер [7];
- ♦ оқыту жолдары: ағымдағы прогресс пен анықталған олқылықтар негізінде автоматты түрде реттелетін жекелендірілген оқу жоспарлары.

Модельдің тиімділігін бағалау Ұсынылған жүйенің тиімділігін тексеру үшін студенттер үлгісінде эксперименттік тестілеу жүргізіледі. Бағалаудың негізгі көрсеткіштері:

- ♦ оқыту нәтижелерін болжау дәлдігі (оқу үлгерімін дұрыс болжау үлесі);
- ♦ білім беру траекториясының бейімделу жылдамдығы (білімдегі олқылықтарды анықтағаннан кейін бағдарламаны түзетуге кететін уақыт) [8];
- ♦ студенттердің қанағаттануы (сауалнама мен кері байланысты талдау негізінде).

Ұсынылып отырған білім қорын пайдалану диагностиканың дәлдігін арттыруға, мұғалімдердің жүктемесін азайтуға және жекелендірілген оқытуға жағдай жасауға мүмкіндік береді, бұл білім беру процесін тиімдірек және бейімді етеді.

Педагогикалық диагностика әдістері.

Педагогикалық диагностика оқушылардың білім деңгейін, олқылықтарын және жеке ерекшеліктерін анықтауға бағытталған. Бұл зерттеу келесі тәсілдерді зерттейді:

- ♦ бейімделетін қиындықты тестілеу – оқушының алдыңғы жауаптарына негізделген тапсырманың қиындығын динамикалық реттеу (мысалы, элементтерге жауап беру теориясын пайдалану) [9];

- ♦ оқу үлгерімін талдау – бағалар, орындалған тапсырмалар, орындау мерзімдері және басқа параметрлер бойынша деректерді өңдеу;

- ♦ машиналық оқыту әдістері – академиялық өнімділікті болжау үшін жіктеу және кластерлеу алгоритмдерін пайдалану;

- ♦ нейрондық желі модельдері – оңтайлы білім беру стратегиясын тандау мақсатында жеке оқыту стилін талдау;

- ♦ эксперттік жүйелер – мәліметтерді түсіндіру және ұсыныстар жасау үшін мұғалімдер белгілеген ережелерді қолдану [10].

Бейімделетін оқытуды қолдау үшін білім базасын әзірлеуде білім деңгейін бағалау және оқушылардың қажеттіліктерін анықтау үшін қолданылатын педагогикалық диагностикалық әдістерді таңдау және талдау маңызды кезең болып табылады. Әр түрлі диагностикалық әдістер бар, олардың әрқайсысының өзіндік артықшылықтары мен шектеулері бар. Максималды диагностикалық дәлдікті және әрбір оқушыға жекелендірілген тәсілді қамтамасыз ету үшін бейімделген оқытудың сәйкес әдісін таңдау кезінде осы аспектілерді ескеру маңызды. 1-кестеде педагогикалық диагностиканың негізгі әдістерінің салыстырмалы сипаттамасы, олардың артықшылықтары, шектеулері және қолдану салалары келтірілген.

Кесте 1 – Педагогикалық диагностика әдістерінің салыстырмалы сипаттамасы

Диагностикалық әдіс	Артықшылықтары	Шектеулер	Қолданба
Тестілеу	Пайдаланудың қарапайымдылығы, объективті нәтижелер	Жеке ерекшеліктердің шектеулі ескерілуі	Оқушылардың білім деңгейін тексеру
Бақылау	Білімді ғана емес, мінез-құлықты да ескеруге мүмкіндік береді	Айтарлықтай уақытты инвестициялауды қажет етеді	Оқушылардың белсенділігі мен өзара әрекетін бағалау
Жұмыстарды талдау (эссе, жобалар)	Шығармашылық пен тәуелсіздікке мүмкіндік береді	Бағалаудағы субъективтіліктің әсері	Орындалған тапсырмалардың сапасын бағалау
Автоматтандырылған диагностика	Үлкен көлемдегі деректерді жылдам өңдеу және талдау	Алгоритмдер мен модельдердің сапасына тәуелділігі	Тест және тапсырма деректерін өңдеу
Сұхбат/сауалнамалар	Оқушы туралы тереңірек мәліметтер алу мүмкіндігі	Субъективті, қарым-қатынас дағдыларына байланысты	Оқушылардың жеке және психологиялық аспектілерін бағалау
Ескертпе: Автормен құрастырылған.			

Нәтижелер мен талқылау

Зерттеу барысында педагогикалық диагностика негізінде бейімделген оқытуды қолдауға арналған білім базасы әзірленді және сынақтан өтті. Бұл жүйе студенттердің білім деңгейін талдауға, олқылықтарды анықтауға және дербестендірілген білім беру траекторияларын автоматты түрде жасауға мүмкіндік береді.

Диагностикалық мәліметтерді талдау.

Білім қорының тиімділігін бағалау үшін әртүрлі білім беру бағдарламаларында оқитын колледж студенттерінің (N = 150) үлгісінде эксперимент жүргізілді. Диагностикалық процесте мыналар қолданылады:

- ♦ бейімделу күрделілігімен компьютерлік тестілеу – динамикалық режимде білім деңгейін анықтау;

- ♦ тапсырмаларды орындау кезіндегі қателерді талдау – типтік қиындықтарды анықтау;

- ♦ оқушылардың таңдаулы оқу стратегияларын анықтау үшін сауалнама жүргізу [12].

Диагностикалық нәтижелер оқушылардың 73% материалды біркелкі игермегенін, ал 42%-ында оқу жолына түзетулер енгізуді қажет ететін білімдегі тұрақты олқылықтар бар екенін көрсетті.

Жеке білім беру траекториясын қалыптастыру.

Диагностикалық деректер негізінде жүйе жекелендірілген оқу жоспарларын жасады. Негізгі параметрлер:

- ♦ курс мазмұнын автоматты түрде реттеу – студенттің білім деңгейіне бейімделген тапсырмалар;

- ♦ жеке ұсыныстар – тақырыпты шолу, интерактивті модульдер және қосымша жаттығулар;

- ♦ прогресс мониторингі – оқудың сәттілігін динамикалық бағалау және траекторияны түзету.

Бейімделу жүйесін енгізгеннен кейін төрт аптадан кейін оқушылардың 68%-ы өз нәтижелерінің жақсарғанын көрсетті, ал қорытынды сынақтардағы орташа балл бақылау тобымен салыстырғанда 12%-ға өсті.

Білім қорының тиімділігін бағалау.

Тиімділік келесі критерийлер бойынша бағаланды:

- ♦ өнімділікті болжау дәлдігі – машиналық оқыту моделі оқушылардың қорытынды бағаларын 85% дәлдікпен болжады;

- ♦ бейімделу жылдамдығы – жеке ұсыныстарды қалыптастыру орта есеппен 0,8 секундқа созылды;

- ♦ пайдаланушының қанағаттануы – оқушылардың 87%-ы және мұғалімдердің 79%-ы жүйенің функционалдығын оң бағалап, оның ыңғайлылығы мен ұсыныстардың дәлдігін атап өтті.

Нәтижелерді талқылау.

Жасалған білім базасы білім беру процесін оқушылардың жеке қажеттіліктеріне бейімдеуде жоғары тиімділігін көрсетті. Негізгі артықшылықтары:

- ♦ мұғалімдердің жүктемесін азайту – автоматтандырылған диагностика білімді бағалауға аз уақыт жұмсауға мүмкіндік береді;

- ♦ диагностиканың объективтілігі – оқу үлгерімін бағалаудағы субъективті фактор алынып тасталды;

- ♦ оқытудың икемділігі – жүйе оқушылардың дайындық деңгейіндегі өзгерістерге бейімделеді.

Дегенмен, белгілі бір шектеулер де анықталды:

- ♦ диагностиканың дәлдігі кіріс деректерінің сапасына байланысты – сынақтардағы қателер немесе толық емес деректер дұрыс емес ұсыныстарға әкелуі мүмкін;

- ♦ бейімделу алгоритмдерін нақтылау қажеттілігі – бастапқы кезеңдерінде жүйе тапсырмалардың күрделілігін әрдайым дәл тандай бермейді.

Болашақта жүйені басқа білім беру платформаларымен интеграциялау және оқыту нәтижелерін дәлірек болжау үшін нейрондық желі модельдерін пайдалану арқылы оның функционалдығын кеңейту жоспарлануда.

Қорытынды

Педагогикалық диагностика негізінде бейімделген оқытуды қолдау үшін білім қорын дамыту білім беру сапасын және білім алушыларға жеке көзқарасты арттыру жолындағы маңызды қадам болып табылады. Мұндай жүйелерді енгізу студенттердің жеке ерекшеліктерін тиімді қарастыруға, оқу процесін нақты уақыт режимінде бейімдеуге мүмкіндік береді, бұл материалды жақсы меңгеруге және оқу жетістіктерінің деңгейін арттыруға ықпал етеді.

Педагогикалық диагностика бейімделген оқыту траекториясын қалыптастырудың негізі бола отырып, деректерді жедел өңдеу мен интерпретациялауды қамтамасыз ететін сәйкес технологиялық шешімдерді құруды талап етеді. Бұл тұрғыда жасанды интеллекттің заманауи әдістерін пайдаланатын білім базалары, деректерді талдау және сараптамалық жүйелер процестерді автоматтандыруда және білім беру шешімдерінің объективтілігін арттыруда шешуші рөл атқарады.

Педагогикалық диагностикалық модельдерді, білім беру стратегияларын және сараптамалық жүйелерді таңдау алгоритмдерін қолдану сияқты қарастырылатын әдістер мен тәсілдер оқушылардың білім деңгейін нақты бағалауға мүмкіндік береді және осы мәліметтер негізінде оқытудың оңтайлы әдістерін ұсынады. Осы тәсілдің нәтижесінде білім беру мекемелері оқытудың нәтижелері мен оқушылардың мотивациясын айтарлықтай жақсартатын жеке бағдарламаларды құру құралдарын алады.

Осылайша, бейімді оқытуды қолдау үшін білім базасын құру білім беру технологияларын дамытудың маңызды құрамдас бөлігі болып табылады. Болашақта бұл процесті дәлірек диагностикалауға және тиімді оқытуға бағытталған жаңа әдістер мен құралдармен толықтыруға болады, бұл білім беру жүйесін икемді етеді және әрбір оқушының қажеттіліктеріне бағытталған.

ӘДЕБИЕТТЕР

- 1 Белова Е.В. Психолого–педагогическая диагностика в образовательном процессе. Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. – 2015. – С. 45–52. URL: <https://psychology.snauka.ru/2015/10/6015>
- 2 Гуров В.Н. Педагогическая диагностика успешности обучения учащихся в контексте информатизации образования / Диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. – 2008. – С. 120–135. URL: <https://www.dissercat.com/content/pedagogicheskaya–diagnostika–uspeshnosti–obucheniya–uchashchikhsya–v–kontekste–informatizats>
- 3 Беспалько В.П. Теоретические основы педагогической диагностики в условиях цифровой трансформации образования: методическое пособие. – 2020. – С. 101–115. URL: <https://s.siteapi.org/db33f211b111f03/docs/g89rkrqzgg000kkg88w84w0owckwg4>
- 4 Кравченко О.А., Смирнов В.П. Анализ современных подходов к педагогической диагностике в цифровом образовательном пространстве // Журнал модернизации профессионального образования. – 2020. – № 3. – С. 45–52. URL: https://psyjournals.ru/journals/jmfp/archive/2020_n3/Kravchenko_et_al
- 5 Соловьев А.А., Иванова Н.В. Адаптивные образовательные технологии в цифровой среде // Информационные технологии и аналитика. – 2021. – № 3. – С. 78–85. URL: <https://info.infojournal.ru/jour/article/view/974>
- 6 Гончаров А.П. Адаптивное обучение как новая образовательная технология. – М.: КиберЛенинка, 2018. – С. 10–18. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/adaptivnoe–obuchenie–kak–novaya–obrazovatel'naya–tehnologiya>
- 7 Лаптев С.И., Михайлова Е.В. Адаптивное образование: сущность и условия реализации. – М.: КиберЛенинка, 2019. – С. 22–30. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/adaptivnoe–obrazovanie–suschnost–i–usloviya–realizatsii>
- 8 Козырев Г.И., Писарева М.Н. Применение цифровых образовательных технологий в адаптивном обучении. – М.: Институт образования НИУ ВШЭ, 2020. – С. 50–58. URL: <https://ioe.hse.ru/pubs/share/direct/408115484.pdf>
- 9 Brusilovsky P., Millán E. User Models for Adaptive Hypermedia and Adaptive Educational Systems // The Adaptive Web, Lecture Notes in Computer Science. 2007, vol. 4321, pp. 1–23. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-540-72079-9_1
- 10 Shute V.J., Zapata–Rivera D. Adaptive Technologies // Handbook of Research on Educational Communications and Technology. Routledge, 2008. P. 85–98.

REFERENCES

- 1 Belova E.V. (2015) Psihologo–pedagogicheskaja diagnostika v obrazovatel'nom processe. Psihologija i pedagogika: metodika i problemy prakticheskogo primeneniya. P. 45–52. URL: <https://psychology.snauka.ru/2015/10/6015>. (In Russian).
- 2 Gurov V.N. (2008) Pedagogicheskaja diagnostika uspeshnosti obucheniya uchashchihsja v kontekste informatizacii obrazovaniya / Dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni kandidata pedagogicheskikh nauk. P. 120–135. URL: <https://www.dissercat.com/content/pedagogicheskaya–diagnostika–uspeshnosti–obucheniya–uchashchikhsya–v–kontekste–informatizats>. (In Russian).

3 Bespal'ko V.P. (2020) Teoreticheskie osnovy pedagogicheskoy diagnostiki v usloviyah cifrovoj transformacii obrazovaniya: metodicheskoe posobie. P. 101–115. URL: <https://s.siteapi.org/db33f211b111f03/docs/g89rkrqzgg000kkg88w84w0owckwg4>. (In Russian).

4 Kravchenko O.A., Smirnov V.P. (2020) Analiz sovremennykh podhodov k pedagogicheskoy diagnostike v cifrovom obrazovatel'nom prostranstve // Zhurnal modernizacii professional'nogo obrazovaniya. No. 3. P. 45–52. URL: https://psyjournals.ru/journals/jmfp/archive/2020_n3/Kravchenko_et_al. (In Russian).

5 Solov'ev A.A., Ivanova N.V. (2021) Adaptivnye obrazovatel'nye tehnologii v cifrovoj srede // Informacionnye tehnologii i analitika. No. 3. P. 78–85. URL: <https://info.infojournal.ru/jour/article/view/974>. (In Russian).

6 Goncharov A.P. (2018) Adaptivnoe obuchenie kak novaya obrazovatel'naya tehnologiya. M.: KiberLeninka. P. 10–18. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/adaptivnoe-obuchenie-kak-novaya-obrazovatel'naya-tehnologiya>. (In Russian).

7 Laptev S.I., Mihajlova E.V. (2019) Adaptivnoe obrazovanie: sushhnost' i usloviya realizacii. M.: KiberLeninka. P. 22–30. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/adaptivnoe-obrazovanie-suschnost-i-usloviya-realizatsii>. (In Russian).

8 Kozyrev G.I., Pisareva M.N. (2020) Primenenie cifrovyykh obrazovatel'nykh tehnologij v adaptivnom obuchenii. – M.: Institut obrazovaniya NIUVShJe. P. 50–58. URL: <https://ioe.hse.ru/pubs/share/direct/408115484.pdf>. (In Russian).

9 Brusilovsky P., Millán E. (2007) User Models for Adaptive Hypermedia and Adaptive Educational Systems // The Adaptive Web, Lecture Notes in Computer Science, vol. 4321, pp. 1–23. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-540-72079-9_1. (In English).

10 Shute V.J., Zapata-Rivera D. (2008) Adaptive Technologies // Handbook of Research on Educational Communications and Technology. Routledge. P. 85–98. (In English).

MAULENOV N.O.,*¹

c.t.s., associate professor.

*e-mail: maulenov74@mail.ru

ORCID ID: 0009-0007-7537-0339

¹Q University,

Almaty, Kazakhstan

DEVELOPMENT OF A KNOWLEDGE BASE TO SUPPORT ADAPTIVE LEARNING BASED ON PEDAGOGICAL DIAGNOSTICS

Abstract

This article discusses the process of developing a knowledge base to support adaptive learning based on pedagogical diagnostics. Adaptive learning is becoming an important tool for a personalized approach in education, allowing the educational process to be dynamically changed depending on the individual characteristics of students. Particular attention is paid to the role of pedagogical diagnostics in identifying the strengths and weaknesses of students, as well as in the formation of individualized learning trajectories. The article analyzes existing methods and approaches that use artificial intelligence, expert systems and analytical tools to automate the processing and interpretation of diagnostic data. A conceptual model of a knowledge base is provided, which can significantly improve the efficiency of the educational process, providing more accurate diagnostics and optimization of educational strategies.

Key words: adaptive learning, pedagogical diagnostics, knowledge base, personalized learning, artificial intelligence, expert systems, educational technologies.

МАУЛЕНОВ Н.О.,*¹

К.Т.Н., доцент.

*e-mail: maulenov74@mail.ru

ORCID ID: 0009-0007-7537-0339

¹Q University,

г. Алматы, Казахстан

РАЗРАБОТКА БАЗЫ ЗНАНИЙ ДЛЯ ПОДДЕРЖКИ АДАПТИВНОГО ОБУЧЕНИЯ НА ОСНОВЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДИАГНОСТИКИ

Аннотация

В данной статье рассматривается процесс разработки базы знаний для поддержки адаптивного обучения на основе педагогической диагностики. Адаптивное обучение становится важным инструментом для персонализированного подхода в образовании, позволяя динамически изменять образовательный процесс в зависимости от индивидуальных особенностей учащихся. Особое внимание уделяется роли педагогической диагностики в выявлении сильных и слабых сторон обучающихся, а также в формировании индивидуализированных траекторий обучения. В статье анализируются существующие методы и подходы, использующие искусственный интеллект, экспертные системы и аналитические инструменты для автоматизации обработки и интерпретации диагностических данных. Приводится концептуальная модель базы знаний, которая может существенно повысить эффективность образовательного процесса, обеспечив более точную диагностику и оптимизацию образовательных стратегий.

Ключевые слова: адаптивное обучение, педагогическая диагностика, база знаний, персонализированное обучение, искусственный интеллект, экспертные системы, образовательные технологии.

МРНТИ 06.01.45
УДК 330.101
JEL A22

<https://doi.org/10.46914/2959-3999-2024-1-4-38-47>

САНСЫЗБАЕВ С.Н.,*¹

д.э.н., профессор.

*e-mail: s.sansyzbayev@turana.edu.kz

ORCID ID: 0009-0007-3051-1441

¹Университет «Туран»,

г. Алматы, Казахстан

ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ ИННОВАЦИОННЫХ МЕТОДИК ПРЕПОДАВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ДЛЯ СТУДЕНТОВ ПОКОЛЕНИЯ Z

Аннотация

Статья посвящена анализу и внедрению инновационных методик преподавания экономической теории, направленных на повышение эффективности образовательного процесса для студентов поколения Z. Цель исследования – выявить перспективные направления модернизации методик преподавания экономической теории для зумеров, оценить их эффективность и предложить оптимальные решения для преподавателей. Основные идеи работы включают внедрение интерактивных технологий, деловых и ролевых игр, кейс-метода, геймификации и цифровых инструментов в образовательный процесс. Научная и практическая значимость исследования обусловлена необходимостью адаптации образовательных программ к особенностям и требованиям поколения Z. Рассматривается актуальность инновационного подхода, анализируются преимущества новых методик и их влияние на качество обучения поколения зумеров. Методология исследования включает анализ теоретических подходов к инновационному обучению, сравнительный анализ традиционных и современных методик, а также эмпирическое исследование на основе опыта внедрения инновационных методов обучения экономической теории в университете «Туран». Результаты исследования показывают, что использование инновационных методик позволяет повысить вовлеченность студентов, улучшить усвоение материала и развить практические навыки, востребованные в профессиональной деятельности. Ценность работы заключается в научном обосновании необходимости применения инновационных методик в образовательном процессе для подготовки более компетентных специалистов, готовых к вызовам транзитивной экономики Казахстана. Практическое значение исследования заключается в возможности адаптации предложенных методик для студентов поколения Z, имеющих особенности обучения, а также в разработке практических рекомендаций для преподавателей.

Ключевые слова: инновационные методики преподавания, поколение Z, зумеры, деловая игра, ролевая игра, интерактивные технологии, кейс-метод.

Введение

Современное образование претерпевает значительные изменения под влиянием технологического прогресса и новых научных подходов. Генеративный искусственный интеллект на наших глазах полностью меняет инструменты и способы преподавания и изучения экономической теории [1]. Инновационные методики преподавания становятся важным элементом подготовки студентов, способных адаптироваться к быстро меняющимся условиям экономической среды. Вопрос совершенствования методик преподавания экономической теории приобретает особую актуальность, поскольку традиционные методы обучения и оценивания знаний студента постепенно становятся все более неадекватными и неточными [2]. Становится очевидным, что необходимо пересмотреть и переосмыслить, какие навыки студентов поколения Z должны развивать преподаватели. Размывание критериев точной оценки реальных результатов обучения студентов указывает на то, что методы оценки в высшем образовании должны развиваться в соответствии с темпами развития цифровой экономики и новых технологий [3].

Между тем в Казахстане присутствует проблема разного уровня преподавания экономической теории на казахском и русском языках, о которой не принято говорить открыто. Для смяг-

чения указанной проблемы в 2024 г. автором изданы учебные пособия по экономической теории на казахском и русском языках. Инновационный подход состоит в том, что в обоих пособиях нет различий в тексте, в схемах, рисунках и графиках, а содержание основано на тенденциях XXI века с использованием практических примеров из казахстанской действительности [4, 5].

Многие авторы исследований настаивают на том, что использование современных образовательных технологий, включая интерактивные платформы, виртуальную и дополненную реальность, а также методы проблемного обучения, способствует лучшему усвоению знаний и формированию аналитических навыков у студентов. Вместе с тем вопросы внедрения инновационных методик в преподавание экономической теории требуют дальнейшего изучения.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью формирования у студентов экономических специальностей не только теоретических знаний, но и практических компетенций, необходимых для успешной профессиональной деятельности. Современная экономика, опирающаяся на знания и инновации, предъявляет новые требования к квалификации специалистов. В этой связи особенно важным становится поиск эффективных методов преподавания, которые помогут студентам освоить экономическую теорию на более глубоком уровне и развить критическое мышление [6].

Объектом исследования являются инновационные методики преподавания экономической теории, а предметом – их влияние на качество подготовки студентов.

Материалы и методы

Методы исследования включают анализ научной литературы, сравнительный анализ образовательных методик, анкетирование студентов и преподавателей, а также практические эксперименты по применению инновационных технологий в учебном процессе.

Гипотеза исследования заключается в том, что использование инновационных методик преподавания экономической теории способствует повышению уровня усвоения знаний студентами, развитию их аналитического мышления и формированию необходимых для будущей профессиональной деятельности компетенций и критически важных навыков.

Практическая значимость исследования заключается в возможности внедрения полученных результатов в учебный процесс экономических факультетов, что позволит повысить качество подготовки специалистов и адаптировать образовательные программы к современным требованиям рынка труда.

Теоретические методы: анализ экономической и научно-методической литературы по инновационным методикам преподавания экономической теории; теоретическое обобщение результатов исследования.

Результаты и обсуждение

Современная мировая экономика активно осваивает цифровые и информационные технологии, включая искусственный интеллект, большие данные, машинное обучение, когнитивные и социогуманитарные технологии. Эти изменения требуют инновационных подходов к преподаванию экономической теории, пересмотра традиционных методов обучения сложных экономических концепций и учений, которые играют ключевую роль в формировании у студентов поколения Z способности к анализу и прогнозированию экономических процессов. При этом не следует забывать, что преподаватель несет ответственность за умственное и нравственное развитие студентов. Особенности обучения поколения Z представлены на рисунке 1.

Как показывает преподавательская практика, поколение Z предпочитает не читать тексты, особенно длинные, а просматривать инфографику, а также смотреть короткие видео. Для закрепления теоретического материала зумеры нуждаются в практических примерах. У зумеров наблюдается короткая память, им труднее запоминать исторические даты и факты.

Студенты поколения Z сформированы цифровым воспитанием. Для них смартфоны и интернет являются ежедневной потребностью, а не некой роскошью. Вся их социальная жизнь вращается вокруг онлайн-платформ.

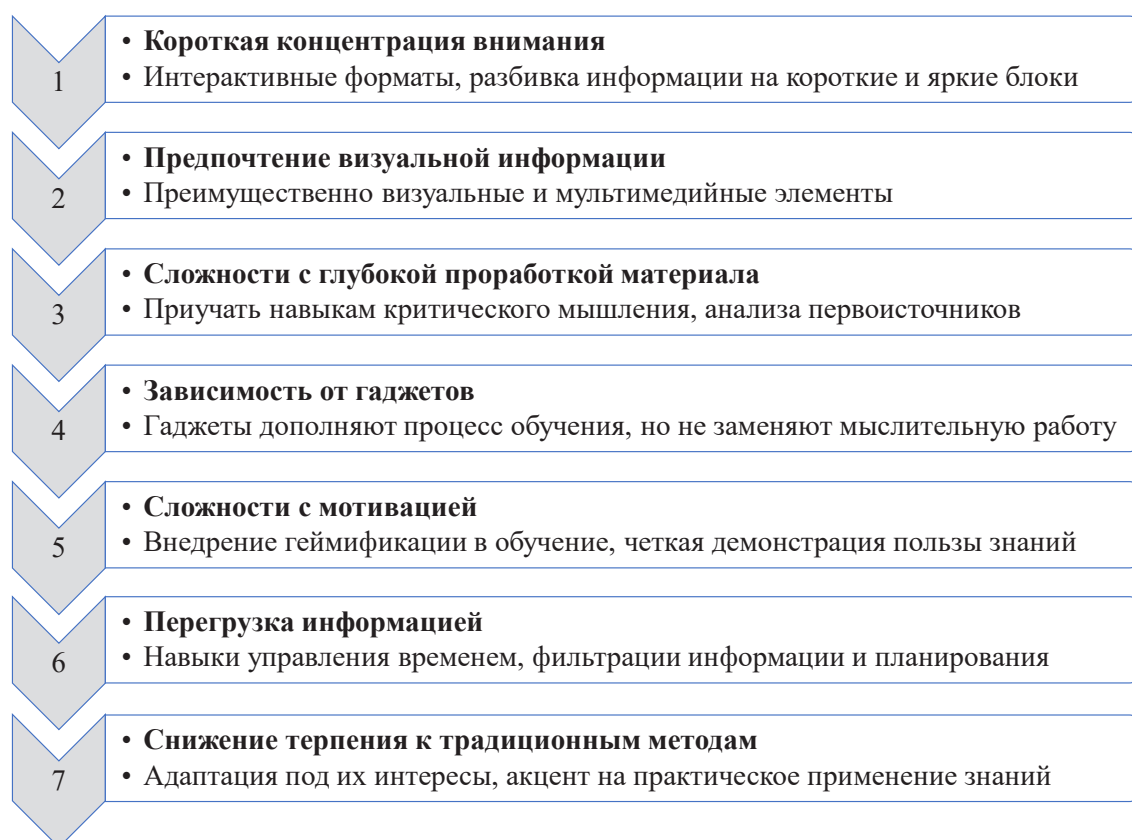

Рисунок 1 – Особенности обучения поколения Z

Примечание: Составлено автором.

При этом они, наряду с онлайн-ресурсами, ценят взаимодействие и вовлеченность в процессе очного обучения.

Зумеры негативно относятся к стандартизированным методам обучения, а ищут адаптированное к их интересам и потребностям персонализированное обучение. Для зумеров характерны более короткие промежутки внимания, поэтому они предпочитают самостоятельно находить в интернете быстрые ответы на интересующие их вопросы здесь и сейчас [7].

Зумеры довольно часто во время моих лекций тут же проверяют в интернете правильность озвученных мной цифр и фактов.

Студенты поколения Z выросли в цифровой среде, поэтому для их обучения основам экономической теории наиболее эффективны интерактивные методы, включающие технологии деловых и ролевых игр, симуляции, геймификации, кейс-метода, проектного обучения, Peer-to-Peer Learning, т.е. обучение друг у друга. Когда студенты обмениваются мнениями между собой, то одновременно учат друг друга и помогают закрепить знания [8].

Применение интерактивных методик нацеливает преподавателей на создание более динамичной и эффективной учебной среды для студентов поколения Z, изучающих экономическую теорию [9].

Вместе с тем в преподавании экономической теории в мире по-прежнему преобладают традиционные методы, включая лекции [10].

Согласно неоклассическому синтезу, предметом экономической теории является изучение поведения экономических агентов (домохозяйств, фирм, государства) в процессе производства, распределения, обмена и потребления благ в условиях ограниченности ресурсов и их альтернативного использования.

В открытой рыночной экономике экономическими агентами являются домохозяйства, фирмы, государство и иностранный сектор, которые одновременно могут выступать в качестве продавцов и покупателей.

Для организации ролевой игры на семинарских занятиях по курсу «Экономическая теория» предлагается разделить студентов на три равные по численности группы, представляющих соответственно домохозяйства, фирмы, государство. Если численность группы позволяет, то можно сформировать и четвертую группу, представляющую иностранный сектор.

В роли агентов экономической деятельности студенты взаимодействуют между собой: используют ограниченные ресурсы, управляют ими, координируют свою деятельность с целью повышения благосостояния отдельных домохозяйств, фирм, государства и иностранного сектора. Поведение экономических агентов детерминировано их экономическими интересами. При этом на основе принципа рационального выбора, экономические агенты стремятся к максимизации выгоды. Принцип ограниченности ресурсов вынуждает их принимать решения о наиболее эффективном использовании. Согласно принципу альтернативных издержек, каждый выбор агента связан с отказом от другой возможности. Наконец, согласно принципу равновесия и конкуренции, именно рыночные механизмы определяют, как распределяются ресурсы и устанавливаются цены.

Ниже приведем сценарий семинарских занятий по двум темам курса «Экономическая теория», состоящий из пяти этапов.

Сценарий ролевой игры по теме 9. «Издержки и результаты работы фирмы».

Тема ролевой игры: Почему уровень зарплат в Казахстане низкий, а цены – высокие?

Цель игры:

- ♦ Понять, какие факторы влияют на уровень зарплат и цен в Казахстане.
- ♦ Разобраться, как экономические решения фирм, домохозяйств и государства связаны между собой.
- ♦ Развить навыки аргументированного обсуждения экономических проблем.

Роли участников:

1. Домохозяйства (работники, потребители) – получают зарплату, тратят деньги на товары и услуги.
2. Фирмы (работодатели, бизнесмены) – принимают решения о зарплатах, ценообразовании, издержках.
3. Государство (чиновники, регуляторы) – отвечает за налоги, минимальную зарплату, контроль инфляции.

Этап 1. Введение

Студенты при помощи преподавателя закрепляют понимание основных понятий темы:

- ♦ Издержки производства (сырье, аренда, зарплата, налоги).
- ♦ Формирование цен (спрос и предложение, монополии, импорт).
- ♦ Факторы, влияющие на зарплату (производительность труда, налоги, уровень конкуренции).

Каждая группа должна подготовить аргументы, объясняющие, почему в Казахстане низкие зарплату и высокие цены, с учетом своих интересов.

Этап 2. Работа в группах

1. Домохозяйства

Зарплата недостаточно высокая, чтобы покрывать растущие цены.

Высокая зависимость от импорта ведет к росту цен при девальвации тенге.

Ограниченные возможности для повышения доходов (малый рынок труда, низкий уровень развития малого бизнеса).

2. Фирмы

Высокие налоги и затраты на ведение бизнеса (налоги и обязательные взносы во внебюджетные фонды, транзакционные издержки).

Конкуренция с зарубежными компаниями (некоторые товары дешевле импортировать, чем производить).

Низкая производительность труда (работники недостаточно квалифицированы, низкий уровень обновления оборудования и внедрения инноваций).

Давление на издержки: рост цен на сырье и энергоресурсы.

3. Государство

Поддержание макроэкономической стабильности (инфляция, базовая ставка Нацбанка, курс тенге).

Необходимость налоговых поступлений (для финансирования социальных и прочих госпрограмм, для сокращения трансфертов из Национального фонда).

Борьба с теневой экономикой (из-за которой часть зарплат выплачивается «в конвертах», а налоги не поступают в полной мере в казну).

Политика по привлечению инвестиций, которая иногда приводит к льготам для крупных компаний, но не повышает зарплаты.

Этап 3. Дискуссия

Домохозяйства требуют повышения зарплат и снижения цен.

Фирмы объясняют, почему не могут платить больше и держат высокие цены.

Государство объясняет, какие меры принимает и с какими проблемами сталкивается.

После каждого аргумента участники дискуссии могут задавать вопросы и предлагать свои решения.

Этап 4. Итоги и анализ

Преподаватель помогает студентам сделать выводы:

- ♦ Почему фирмы не могут резко повысить зарплаты?
- ♦ Почему доля доходов домохозяйств в структуре ВВП Казахстана значительно ниже, чем доля доходов фирм?

- ♦ Какие факторы влияют на рост цен?

- ♦ Какую роль играет государство, и что оно может изменить?

- ♦ Какие возможны пути решения проблемы?

Этап 5. Оценка студентами ролевой игры

В конце семинарского занятия ролевая игра оценивается студентами по пятибалльной шкале Лайкерта. При этом 2 балла соответствуют оценке «Полностью удовлетворен ролевой игрой», 1 балл – «Удовлетворен ролевой игрой частично», 0 баллов – «Остался нейтрален», оценка «минус 1» балл – «Частично неудовлетворен ролевой игрой», а оценка «минус 2» балла – «Полностью неудовлетворен ролевой игрой» (таблица 1).

Таблица 1 – Пример оценок по пятибалльной шкале Лайкерта

Оценка	Количество студентов	Количество баллов
2	7	14
1	5	5
0	4	0
-1	2	-2
-2	1	-2
Итого	19	15
Средний балл		0,8
Примечание: Составлено автором.		

Средний балл рассчитывается как отношение количества набранных баллов к количеству студентов, принявших участие в оценке.

В нашем случае средний балл равен 0,8, что свидетельствует о частичном удовлетворении студентов ролевой игрой. Это сигнал преподавателю, чтобы задуматься, какие аспекты ролевой игры следует усилить, чтобы максимально вовлечь студентов в обсуждение.

Ожидаемые результаты

Ролевая игра должна помочь студентам:

- ♦ понять взаимосвязь между издержками, зарплатами и ценами;

- ♦ осознать, что экономические проблемы нельзя решить одной мерой – нужен комплексный подход;
- ♦ потренировать навыки анализа и аргументации экономических вопросов;
- ♦ глубже разобраться в особенностях транзитивной экономики Казахстана и механизмах, влияющих на уровень жизни.

Сценарий ролевой игры на тему 10 Экономический рост и развитие. Экономические циклы

Тема ролевой игры: Анализ ключевых индикаторов Национального плана развития Казахстана до 2029 г.

Цель игры:

- ♦ Разобрать различия между реальным и номинальным экономическим ростом.
- ♦ Понять влияние инфляции, инвестиций и экономических циклов на развитие Казахстана.
- ♦ Обсудить прогнозные показатели Национального плана развития Казахстана до 2029 г.

Ключевые индикаторы Национального плана развития Казахстана до 2029 г. приведены в таблице 2.

Таблица 2 – Ключевые индикаторы Национального плана развития Казахстана до 2029 г.

Показатель	2022	2023	2024	2025	2026	2027	2028	2029
ВВП, млрд долл. США (в текущих ценах)	225	264	281	308	341	377	414	450
Темпы реального прироста экономики, % относительно прошлого года	3,2	5,1	5,3	5,6	6,3	6,9	6,7	6,7
Темпы номинального прироста ВВП, % относительно прошлого года*	14,2	17,3	6,4	9,6	10,7	10,6	9,8	8,7
*Рассчитано автором								
Примечание: Составлено автором на основе источника [10].								

Роли участников:

1. Домохозяйства (работники, потребители) – оценивают, как изменения ВВП отражаются на зарплатах, ценах и уровне жизни.

2. Фирмы (представители бизнеса, инвесторы) – анализируют влияние роста ВВП на деловую среду, инвестиции и прибыли.

3. Государство (экономисты, чиновники, регуляторы) – объясняют причины различий между номинальным и реальным ростом ВВП, принимают меры для регулирования экономики.

Этап 1. Введение

Преподаватель объясняет ключевые понятия:

- ♦ Реальный ВВП – измеряет объем производства товаров и услуг с поправкой на инфляцию.
- ♦ Номинальный ВВП – включает эффект изменения цен, инфляции.
- ♦ Экономические циклы – периоды роста и спада экономики.
- ♦ Факторы, влияющие на разницу между номинальным и реальным ВВП (инфляция, девальвация, инвестиции, глобальные кризисы).

Этап 2. Работа в группах

1. Домохозяйства

Рост реального ВВП должен приводить к увеличению доходов и рабочих мест.

При номинальном росте, вызванном инфляцией, реальные зарплаты могут снижаться.

Цены на жилье, продукты и услуги могут расти быстрее, чем зарплаты.

Вопрос: почувствуют ли люди рост экономики или инфляция «съест» доходы?

2. Фирмы

Реальный рост ВВП означает больше возможностей для бизнеса, но важна стабильность.

Высокий номинальный рост часто обусловлен инфляцией, что увеличивает издержки.

Инвестиции растут при стабильных темпах реального ВВП.

Вопрос: выгоден ли бизнесу номинальный рост, если он вызван инфляцией?

3. Государство

Реальный рост ВВП важен для устойчивого развития.

Высокий номинальный рост может быть следствием инфляции или девальвации тенге.

Цель – удерживать инфляцию в разумных пределах, обеспечивая стабильный экономический рост.

Вопрос: как сбалансировать политику, чтобы реальный рост соответствовал ожиданиям?

Этап 3. Дискуссия

Каждая группа представляет свою точку зрения.

Домохозяйства защищают свои интересы с точки зрения своей покупательной способности, уровня зарплаты и инфляции.

Фирмы обсуждают влияние роста ВВП на инвестиции и издержки.

Государство объясняет, какие меры принимает для регулирования экономики.

В конце преподаватель предлагает участникам прийти к компромиссу: какие меры помогут сблизить реальные и номинальные темпы роста?

Этап 4. Итоги и анализ

Преподаватель подводит итоги:

- ♦ Почему реальный и номинальный рост ВВП различаются?
- ♦ Что такое дефлятор ВВП?
- ♦ Какую роль играет инфляция?
- ♦ Какие меры может предпринять государство?
- ♦ Как различия в темпах ВВП влияют на бизнес и население?

Этап 5. Оценка студентами ролевой игры по пятибалльной шкале Лайкерта.

Ожидаемые результаты:

Ролевая игра должна помочь студентам:

- ♦ уяснить различие между реальным и номинальным ВВП;
- ♦ понять смысл и роль дефлятора ВВП;
- ♦ осознать влияние инфляции, инвестиций и экономической политики на экономический рост;
- ♦ развить навыки анализа макроэкономических показателей и дискуссии;
- ♦ понять экономику Казахстана и научиться применять теоретические знания на практике.

В процессе ролевой игры студенты совместно обсуждают сложные темы, участвуют в дебатах, активно применяют теоретические знания для объяснения практических вопросов, сокращая разрыв между теорией и практикой и помогая друг другу применять абстрактные экономические концепции в реальных ситуациях.

Необходимость анализа оценки вовлеченности студентов и получение регулярной обратной связи способствуют улучшению и корректировке интерактивных методик преподавания с целью достижения наилучших результатов в обучении экономической теории [12].

Как правило, неудовлетворенные ролевой игрой студенты выпадают из общего обсуждения по причине незнания или недопонимания экономических терминов и понятий, экономических учений и концепций, но стесняются признаться в этом преподавателю. Дело в том, что для студентов поколения Z многие имена выдающихся экономистов прошлого и настоящего, многие исторические события в развитии экономики стран мира, многие экономические термины и понятия были совершенно неизвестны до поступления в университет. Кроме того, студенты поступают в университет с разным уровнем подготовки и жизненного опыта. Услышав много новых исторических экономических фактов, имен, профессиональной терминологии, неподготовленный студент может подумать, что экономическая теория – это нечто сложное и недоступное. Естественно, недопонимание снижает мотивацию и интерес студента к экономической теории. Поэтому преподавателю требуется определенный такт и терпение, чтобы познакомить студентов с новой информацией, разъяснить суть экономических учений и концепций, новых терминов и понятий.

Как известно, некоторым студентам для понимания и запоминания новых экономических фактов, теорий, концепций, их авторов, профессиональной терминологии требуется больше времени, чем другим. Поэтому преподавателю следует ненавязчиво подталкивать студентов к

повторению фактов, терминов и понятий, усвоению их смысла и значения в экономике. Задача преподавателя – обеспечить постепенный переход ранее неизвестной экономической терминологии в активный лексикон студента, чтобы он мог легко и просто оперировать ей в своей дальнейшей профессиональной деятельности.

Заключение

Результаты исследования показали, что использование инновационных методик преподавания экономической теории способствует повышению качества образования, развитию аналитических и критических навыков студентов поколения Z, а также их подготовке к успешной профессиональной деятельности. Интеграция цифровых технологий, интерактивных методов обучения и проблемно-ориентированного подхода позволяет значительно улучшить процесс усвоения материала и повысить его практическую значимость.

Практическое применение результатов исследования может быть реализовано в учебных программах университетов, что позволит студентам более эффективно осваивать экономическую теорию и применять знания на практике. Рекомендуется расширить использование цифровых образовательных платформ, ролевых и деловых игр, симуляционных игр и кейс-методов, а также активнее внедрять междисциплинарный подход в обучение экономическим дисциплинам.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Riley Geoff. Economics Teaching & Learning with AI: Tools for Students & Teachers. 2025. URL: <https://www.tutor2u.net/economics/blog/economics-teaching-learning-with-ai-tools-for-students-teachers>
- 2 Xia Q., Weng X., Ouyang F. et al. A scoping review on how generative artificial intelligence transforms assessment in higher education // Educ Technol High Educ. 2024, no. 21, p. 40. URL: <https://doi.org/10.1186/s41239-024-00468-z>
- 3 Сансызбаев С.Н. Экономикалық теория: оқу құралы. – Алматы: «Adal kitap», 2024. – 240 б.
- 4 Сансызбаев С.Н. Экономическая теория: учебное пособие. – Алматы: «Adal kitap», 2024. – 243 с.
- 5 Siegfried J., Colander D. What does critical thinking mean in teaching economics?: The big and the little of it // The Journal of Economic Education. 2021, no. 53(1), pp. 71–84. URL: <https://doi.org/10.1080/00220485.2021.2004278>
- 6 Dingari Sahithi. Cracking the Code: How to Engage Generation Z in Meaningful Learning Experiences. 2025. URL: <https://blog.commlabindia.com/elearning-design/corporate-training-learning-strategies-genz>
- 7 Pursell Hattie. What is Peer Learning? Definition, Purpose and Benefits. 2024. URL: <https://guider-ai.com/blog/what-is-peer-learning/>
- 8 Djumaevna N.N. Basic Interactive Methods of Teaching Economics // Miasto Przyszłości. 2025, no. 56, pp. 244–250. URL: <https://miastoprzyszlosci.com.pl/index.php/mp/article/view/6001>
- 9 Rogmans Tim. The Impact of an Online Macroeconomics Simulation Game on Student Engagement and Performance. MPRA Paper 115283, University Library of Munich, Germany. 2022. URL: <https://ideas.repec.org/p/pramprapa/115283.html>
- 10 Национальный план развития Республики Казахстан до 2029 года. Указ Президента Республики Казахстан от 30 июля 2024 года № 611 // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2400000611> (дата обращения: 10.03.2025)
- 11 Iannace A.M., Bisanti M., Piazzoli A. Evaluation of game-based teaching systems in economics courses // Front. Educ. 9:1330057. 2024. URL: https://www.researchgate.net/publication/380464762_Evaluating_game-based_teaching_systems_in_economics_courses/link/663dae9c7091b94e930f3c58/download

REFERENCES

- 1 Riley Geoff. (2025) Economics Teaching & Learning with AI: Tools for Students & Teachers. URL: <https://www.tutor2u.net/economics/blog/economics-teaching-learning-with-ai-tools-for-students-teachers>. (In English).
- 2 Xia Q., Weng X., Ouyang F. et al. (2024) A scoping review on how generative artificial intelligence transforms assessment in higher education // *Educ Technol High Educ*, no. 21, p. 40. URL: <https://doi.org/10.1186/s41239-024-00468-z>. (In English).
- 3 Sansyzbaev S.N. (2024) *Ekonomikalyq teoria: oqu qūraly*. Almaty: «Adal kitap», 240 p. (In Kazakh).
- 4 Sansyzbaev S.N. (2024) *Jekonomicheskaja teorija: uchebnoe posobie*. Almaty: «Adal kitap», 243 p. (In Russian).
- 5 Siegfried J., Colander D. (2021) What does critical thinking mean in teaching economics?: The big and the little of it // *The Journal of Economic Education*, no. 53(1), pp. 71–84. URL: <https://doi.org/10.1080/00220485.2021.2004278>. (In English).
- 6 Dingari Sahithi. *Cracking the Code: How to Engage Generation Z in Meaningful Learning Experiences*. 2025. URL: <https://blog.commlabindia.com/elearning-design/corporate-training-learning-strategies-genz>. (In English).
- 7 Pursell Hattie. (2024) What is Peer Learning? Definition, Purpose and Benefits. URL: <https://guider-ai.com/blog/what-is-peer-learning/>. (In English).
- 8 Djumaevna N.N. (2025) Basic Interactive Methods of Teaching Economics // *Miasto Przyszłości*, no. 56, pp. 244–250. URL: <https://miastoprzyszlosci.com.pl/index.php/mp/article/view/6001>. (In English).
- 9 Rogmans Tim. (2022) The Impact of an Online Macroeconomics Simulation Game on Student Engagement and Performance. MPRA Paper 115283, University Library of Munich, Germany. URL: <https://ideas.repec.org/p/pramprapa/115283.html>. (In English).
- 10 Nacional'nyj plan razvitija Respubliki Kazahstan do 2029 goda. Ukaz Prezidenta Respubliki Kazahstan ot 30 ijulja 2024 goda No. 611 // *Informacionno-pravovaja sistema normativnyh pravovyh aktov Respubliki Kazahstan «Әdilet»*. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2400000611> (data obrashhenija: 10.03.2025). (In Russian).
- 11 Iannace A.M., Bisanti M., Piazzoli A. (2024) Evaluation of game-based teaching systems in economics courses // *Front. Educ.* 9:1330057. URL: https://www.researchgate.net/publication/380464762_Evaluating_game-based_teaching_systems_in_economics_courses/link/663dae9c7091b94e930f3c58/download. (In English).

САНСЫЗБАЕВ С.Н.,*¹

э.ғ.д., профессор.

*e-mail: s.sansyzbayev@turan-edu.kz

ORCID ID: 0009-0007-3051-1441

¹«Туран» университеті,

Алматы қ., Қазақстан

Z ҰРПАҒЫНЫҢ СТУДЕНТТЕРІНЕ ЭКОНОМИКАЛЫҚ ТЕОРИЯНЫ ОҚИТУДА ИННОВАЦИЯЛЫҚ ӘДІСТЕРІН ҚОЛДАНУ ТӘЖІРИБЕСІ

Андатпа

Бұл мақала экономикалық теорияны оқытудағы инновациялық әдістерді талдау мен енгізуге арналған, оның мақсаты – Z ұрпағының студенттері үшін білім беру процесінің тиімділігін арттыру. Зерттеудің мақсаты – зумерлерге арналған экономикалық теорияны оқыту әдістерін жаңғыртудың перспективалық бағыттарын анықтау, олардың тиімділігін бағалау және оқытушылар үшін оңтайлы шешімдер ұсыну. Жұмыстың негізгі идеялары білім беру процесіне интерактивті технологияларды, іскерлік және рөлдік ойындарды, кейс-әдісті, геймификацияны және цифрлық құралдарды енгізуді қамтиды. Зерттеудің ғылыми және практикалық маңыздылығы Z ұрпағының ерекшеліктері мен талаптарына сәйкес білім беру бағдарламаларын бейімдеу қажеттілігімен анықталады. Инновациялық тәсілдің өзектілігі қарастырылады, жаңа әдістердің артықшылықтары мен олардың зумерлердің білім сапасына әсері талданады. Зерттеу әдістемесі инновациялық оқытуға арналған теориялық тәсілдерді талдауды, дәстүрлі және заманауи әдістерді салыстырмалы талдауды, сондай-ақ «Туран» университетінде экономикалық теорияны оқытудың инновациялық әдістерін енгізу тәжірибесіне негізделген эмпирикалық зерттеуді қамтиды. Зерттеу нәтижелері инновациялық әдістерді қолдану студенттердің белсенділігін арттыруға, материалды меңгеруді жақсартуға және кәсіби қызметте

сұранысқа ие практикалық дағдыларды дамытуға мүмкіндік беретінін көрсетеді. Зерттеудің құндылығы – Қазақстанның транзиттік экономикасының сын-қатерлеріне дайын, білікті мамандарды даярлау үшін білім беру процесінде инновациялық әдістерді қолданудың ғылыми негізделуінде. Зерттеудің практикалық маңыздылығы Z ұрпағы студенттерінің оқыту ерекшеліктеріне бейімделген әдістерді қолдану мүмкіндігінде, сондай-ақ оқытушыларға арналған практикалық ұсыныстарды әзірлеуде жатыр.

Тірек сөздер: инновациялық оқыту әдістері, Z ұрпағы, зумерлер, іскерлік ойын, рөлдік ойын, интерактивті технологиялар, кейс-әдіс.

SANSYZBAYEV S.N.,*¹

d.e.s., professor.

*e-mail: s.sansyrbayev@turana.edu.kz

ORCID ID: 0009-0007-3051-1441

¹Turan University,

Almaty, Kazakhstan

EXPERIENCE IN APPLYING INNOVATIVE METHODS OF TEACHING ECONOMIC THEORY FOR GENERATION Z STUDENTS

Abstract

This article is dedicated to the analysis and implementation of innovative teaching methods in economic theory aimed at enhancing the educational process's effectiveness for Generation Z students. The study's objective is to identify promising directions for modernizing the teaching methods of economic theory for Zoomers, assess their effectiveness, and propose optimal solutions for educators. The main ideas of the study include the integration of interactive technologies, business and role-playing games, the case method, gamification, and digital tools into the educational process. The scientific and practical significance of the study is determined by the need to adapt educational programs to the characteristics and requirements of Generation Z. The relevance of the innovative approach is examined, along with the advantages of new methods and their impact on the quality of education for Zoomers. The research methodology includes an analysis of theoretical approaches to innovative learning, a comparative analysis of traditional and modern methods, and an empirical study based on the experience of implementing innovative teaching methods in economic theory at Turan University. The research findings demonstrate that the use of innovative methods enhances student engagement, improves material retention, and develops practical skills essential for professional activities. The value of the study lies in the scientific justification for incorporating innovative teaching methods into the educational process to prepare more competent specialists ready to meet the challenges of Kazakhstan's transitional economy. The practical significance of the study lies in the ability to adapt the proposed methods to Generation Z students, considering their unique learning characteristics, and in developing practical recommendations for educators.

Key words: innovative teaching methods, Generation Z, Zoomers, business game, role-playing game, interactive technologies, case method.

МРНТИ 16.31.51
УДК 8.1751

<https://doi.org/10.46914/2959-3999-2024-1-4-48-53>

АБДИКЕРИМОВА Г.С.,*¹

PhD, ст. преподаватель.

*e-mail: Agb-06@mail.ru

ORCID ID: 0009-0004-0175-7045

НЕЧАЕВА М.Н.,²

ассистент-преподаватель.

e-mail: marianec@mail.ru

ORCID ID: 0009-0009-8592-3931

¹Казахский национальный педагогический

университет им. Абая,

г. Алматы, Казахстан

²Санкт-Петербургский

государственный университет,

г. Санкт-Петербург, Россия

РОЛЬ РИТОРИЧЕСКОЙ АРГУМЕНТАЦИИ В ПРЕПОДАВАНИИ ЯЗЫКА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ НОРМ

Аннотация

В статье рассматривается важность акцента на развитии когнитивно-аргументативных навыков студентов, которые включают способность логически обоснованно формулировать и защищать свою точку зрения, эффективно излагать идеи и реализовывать речевые интенции на устном и письменном уровнях. Автор стремится привить обучающимся навыки критического мышления, анализа дискурса и аргументации с учетом ситуации общения, а также социальных, культурных и этических норм. Важными элементами этого процесса являются такие компетенции, как лексико-грамматическая и дискурсивная компетентность, навыки анализа текстов и аргументированного обсуждения, а также умение выстраивать логическую структуру речевого взаимодействия, обеспечивающую эффективную коммуникацию в различных контекстах. Автор утверждает, что компетентностная модель личности современного специалиста включает в себя наиболее важные аспекты личностного потенциала и профессиональной культуры, что, в свою очередь, способствует эффективному выполнению задач в различных сферах. Особое внимание уделяется формированию у студентов навыков логического и критического мышления, что позволяет им принимать нестандартные решения и аргументированно доносить свои идеи в профессиональной среде.

Ключевые слова: аргументативные навыки, коммуникативные компетенции, критическое мышление, диалогичность, прагматичность этичность речевого взаимодействия.

Введение

В современных условиях высшего образования, помимо решения задач, которым уделяется особое внимание, таких как совершенствование орфографии и пунктуации, использование современных форм речевого этикета и способов создания выразительности, дисциплина «Практический курс русского языка» в национальных группах также направлена на применение метода аргументативно-коммуникативной дискурсивной интерактивной организации обучения. В процессе обучения языку особое внимание уделяется развитию когнитивных и аргументативных навыков, включая умение обосновать свою точку зрения, убедительно излагать мысли и реализовывать речевые интенции на устном и письменном уровнях. В ходе коммуникации в аудитории преподаватель обычно ведет диалог с обучающимися, чтобы выбрать оптимальную педагогическую методику, обеспечивающую осмысленное и интерактивное обучение, способствующее активному участию студентов. Это вовлечение способствует формированию автономности обучающихся и ответственности за собственное образование, что также требует совершенствования навыков логического рассуждения и аргументации.

Эти навыки необходимы не только в академической среде, но и в реальной жизни, где студент осваивает коммуникативные стратегии, что связано с тем, что речевая деятельность оказывает влияние на когнитивное и социальное развитие личности, формируя её идентичность и коммуникативные компетенции. В свою очередь, дискурс, как социальный и когнитивный процесс, также способствует самоопределению субъекта в момент его производства, отражая динамику взаимодействия между участниками. Умение взаимодействовать в контексте социокультурных норм, оценивать различные точки зрения и аргументировать свою позицию способствует развитию критического мышления, а также способствует формированию конструктивного и устойчивого сосуществования в обществе, что является важной составляющей социальной гармонии и плюрализма.

Материалы и методы

В методике преподавания русского языка риторические навыки рассматриваются нами как отработка различных стратегий и тактик, направленных на развитие аргументации как инструмента убеждения и воздействия. Основная цель – научить студентов не только теоретическим знаниям о структуре и принципах аргументации, таких как логический и структурный анализ, но и практическим компетенциям, которые помогут им эффективно применять коммуникативные и когнитивные стратегии в различных ситуациях. Важно, чтобы студенты осознавали, что аргументация – это не только логические рассуждения и формальные доказательства, но и способность учитывать человеческий фактор, эмоциональные аспекты, этические и культурные ценности, что придает рассуждению глубину, риторическую силу и перлокутивный эффект, влияя на восприятие аудитории и достижение целевых коммуникационных целей.

Современная методика преподавания иностранных языков активно учитывает эти аспекты, особенно в контексте меняющихся социальных норм, культурных и социокогнитивных процессов, а также межличностных отношений. В сегодняшнем вузе преподаватель выступает в роли интеллектуального наставника и фасилитатора, который сопровождает студентов в их учебной деятельности, способствуя открытому и всестороннему диалогу, а также развивая критическое мышление, рефлексию и навыки саморегуляции. Это помогает студентам приобретать компетенции для жизни и становиться активной частью образовательного процесса, поддерживая взаимодействие на разных уровнях: когнитивном, эмоциональном и социальном. Преподаватель должен не только научить студентов логике и структуре аргументации, включая элементы дедуктивного и индуктивного рассуждения, но и развить у них способность учитывать моральные установки, культурные особенности и ценности собеседников. Это позволяет аргументации быть не только логически правильной, но и социально и этически приемлемой, что способствует разрешению конфликтов, улучшению межкультурной коммуникации и повышению эффективности межличностного взаимодействия.

Результаты и обсуждение

В науке аргументация, как известно, понималась как процесс, продукт таких областей, как диалектика и логика, основанных на логических и математических доказательствах, где логика выступала посредником между языками. В естественнонаучном познании истинность была и целью, и критерием познания. Неориторика XX века на основе теории аргументации Г. Перельмана и О. Ольбрехт-Титека рассматривает риторику как науку о речевом воздействии на аудиторию [1]. Неориторика, в отличие от логико-математического доказательства, диалогична, коммуникативна и прагматична, ее цель – достижение речевой гармонии и успешного перлокутивного эффекта.

Решая практические задачи, студенты должны понимать, что для профессионалов важно уметь выявлять реальные причины возникающих проблем, уметь опираться на доказательства и факты, а не на предположения, знать основы логики, которая необходима в любой сфере деятельности, но при этом понимать, что реальность требует знаний, которые шире, чем аспект формальной логики.

Так, при формировании у студентов аргументационных компетенций важным аспектом является не только логическая точность, но и способность учитывать универсальные ценности и моральные нормы, что связано с этическими и социокогнитивными аспектами аргументации. Это основано на восприятии аргументации как целостного процесса, включающего как рациональные, так и эмоциональные компоненты.

В практике аргументация должна не только служить средством отстаивания собственной точки зрения и критического осмысления окружающей действительности, но и учитывать другие перспективы, признавая ценность чужого мнения. Особенно в современную эпоху, когда сетевой дискурс имеет глобальное влияние и становится важнейшим фактором развития, как отмечает В.И. Карасик, «языкового вкуса», который характеризуется самоиронией, подчеркнуто добрым или бескомпромиссным отношением к партнеру по общению и стирает границы между приватностью и публичностью в коммуникации [2, с. 43].

Важно проявлять эмпатию, доброжелательность и уважение, что является основой эффективной межличностной коммуникации. Все эти элементы играют ключевую роль в успешной социальной и профессиональной адаптации, способствуя конструктивному взаимодействию в разнообразных контекстах.

Методика преподавания языку должна быть направлена на формирование у обучающихся способности выделять формально-логическое рассуждение как рациональный познавательный процесс, где исключены риторические элементы, а также на осознание того, что в определенных ситуациях важным источником влияния в дискурсе могут быть субъективные факторы, такие как авторитет религиозных или политических лидеров, традиционные нормы, общественное мнение и другие контекстуальные обстоятельства. Следует подчеркнуть, что отклонение от логических норм не следует рассматривать как недостаток риторической аргументации, поскольку человеческая природа формируется на пересечении когнитивных и эмоциональных аспектов, что делает невозможным сведение аргументации исключительно к логической структуре.

Важно помнить, что аргументация включает в себя не только логические, но и этические, социальные, культурные и другие элементы, что гарантирует ее полноту и эффективность в коммуникации внутри человеческих сообществ, которые уникальны во всех своих проявлениях. Возьмем лишь один известный аспект: в иных системах ценностей индивидуализм и личная свобода могут рассматриваться как положительные качества, а коллективизм – как отрицательные, и наоборот. В некоторых культурах коллективизм ценится выше, чем индивидуализм, где культура коллективизма, гармония в обществе и подчинение личных интересов интересам общества рассматриваются как положительные черты, как, например, в Японии и Китае. В этих странах благо общества может стоять на первом месте и быть важнее индивидуальной свободы, а аргументы в пользу независимости личности могут быть отвергнуты как проявления эгоизма. В некоторых других странах и сообществах индивидуализм и личная свобода являются основополагающими ценностями, как, например, в Америке и Великобритании. Важность прав человека и личной свободы ставится на пьедестал, а аргументы в пользу сокращения этих прав могут привести к бурным протестам со стороны индивидов.

Успешность аргументации в неориторике зависит от того, насколько приемлемы способы и средства ее реализации. В этом контексте критерий истины заменяется на прагматический. Основные различия между формально-логическим доказательством и риторической аргументацией мы представляем следующим образом:

1. Формально-логическая аргументация:

- ♦ цель: нахождение объективной истины;
- ♦ основной критерий: истинность, «правильно / неправильно»;
- ♦ говорящий и адресат не имеют значения, аргументация носит безличностный характер;
- ♦ объективность и беспристрастность;
- ♦ опирается на рациональность, направлена на поиск истины;
- ♦ не имеет коммуникативного характера, монологична.

2. Риторическая аргументация:

- ♦ цель: поиск способов убедить в истинности идеи;
- ♦ основной критерий: успешность, «успешно / неуспешно»;

- ♦ говорящий и адресат имеют значение, аргументация становится личностной;
- ♦ ориентирована на субъективные факторы;
- ♦ применяется прагматически, носит коммуникативный характер;
- ♦ диалогична.

В связи с этим студенты должны представлять, что формально-логическая аргументация и риторическая аргументация имеют разные цели, критерии и природу. Если первая направлена на поиск объективной истины, опирается на рациональность и объективность, но не учитывает личностные характеристики говорящего и адресата и имеет монологическую форму, то вторая направлена на убеждение в истинности идеи, ориентирована на субъективные факторы, учитывает личность говорящего и адресата, является прагматичной и диалогичной. Так, риторическая аргументация ориентирована на успех коммуникации, а формально-логическая – на получение истины путем строгих логических доказательств, которые могут не учитывать особенности человеческих сообществ и личностей.

Все это способствует развитию критического мышления, необходимого для учета различных культурных и социальных контекстов при понимании и решении проблем. Таким образом, изучение языка становится не только средством передачи знаний, но и способом поддержания и развития культурной идентичности путем включения норм и ценностей общества в речь. Это формирует правильный способ общения в соответствии с этими нормами, помогает избегать конфликтных ситуаций и способствует развитию толерантности, уважения к различиям и многообразию мнений, что очень важно для эффективного и гармоничного сосуществования и взаимодействия в обществе.

Заключение

Современная методика обучения, в свою очередь, должна представить изучение аргументации с учетом человеческого фактора, поскольку моральные суждения, ценностные оценки, а также интерпретации субъективной реальности индивидов не поддаются строгой формализации и требуют учета когнитивных, эмоциональных и культурных аспектов. Эти явления представляют собой источники продуктивной когнитивной среды, которая не только оказывает влияние на коммуникативный процесс, но и определяет онтологию бытия и сознания, обеспечивая их динамическое взаимодействие в рамках социальной, культурной, социокогнитивной и социолингвистической реальности. Важную роль в этом контексте играет метакогнитивное осознание процессов аргументации, которое позволяет интегрировать субъективные восприятия с объективной реальностью, содействуя формированию устойчивых убеждений и межличностных отношений. Обучение аргументированию в данном контексте становится важным инструментом формирования социальной идентичности, интеграции личных и общественных ценностей, а также развития культурной и этической компетенции, что способствует построению эффективных межкультурных и межличностных коммуникаций, обеспечивая развитие диалогичности, прагматичности и этичности взаимодействия.

Таким образом, обучение будущих специалистов умению определять границы понятий «формально-логическая аргументация» и «риторическая аргументация» и уместно интегрировать их в собственный дискурс является неотъемлемой частью развития их критического и логического мышления. Такие знания играют важную роль в предупреждении ошибок, распознавании манипуляций в дискурсе, а также являются важным аспектом профессиональной деятельности, гармоничного развития профессиональных навыков и личностных качеств.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Перельман Х., Ольбрехт-Тытека Л. Новая риторика: Трактат об аргументации // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М., 1987. – 288 с.
- 2 Карасик И.В. Языковой вкус как категория коммуникации // Гуманитарные технологии в современном мире: материалы XII Международной научно-практической конференции, памяти главного редактора научного журнала «Современная коммуникативистика», профессора О.Я. Гойхмана (15–19 мая 2024 г.). – Калининград: Полиграфыч, 2024. – 372 с.

- 3 Гальскова Н.Д. Современные подходы к обучению языку и литературе. – СПб.: Питер, 2019. – С. 102–136.
- 4 Бим И.Л. Методика преподавания русского языка. – М.: Просвещение, 2020. – С. 45–78.
- 5 Черкасова Е.Н. Проектная деятельность на уроках русского языка. – СПб.: Лань, 2019. – С. 66–98.

REFERENCES

- 1 Perel'man X., Ol'breht-Tyteka L. (1987) Novaja ritorika: Traktat ob argumentacii // Jazyk i modelirovanie social'nogo vzaimodejstvija. M., 288 p. (In Russian).
- 2 Karasik I.V. (2024) Jazykovoj vkus kak kategorija kommunikacii // Gumanitarnye tehnologii v sovremennom mire: materialy III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, pamjati glavnogo redaktora nauchnogo zhurnala «Sovremennaja kommunikativistika», professora O.Ja. Gojmana (15–19 maja 2024 g.). Kaliningrad: Poligrafych#, 372 p. (In Russian).
- 3 Gal'skova N.D. (2019) Sovremennye podhody k obucheniju jazyku i literature. SPb.: Piter. P. 102–136. (In Russian).
- 4 Bim I.L. (2020) Metodika prepodavaniya russkogo jazyka. M.: Prosveshhenie. P. 45–78. (In Russian).
- 5 Cherkasova E.N. (2019) Proektnaja dejatel'nost' na urokah russkogo jazyka. SPb.: Lan'. P. 66–98. (In Russian).

АБДИКЕРИМОВА Г.С.,*¹

PhD, аға оқытушы.

*e-mail: Agb-06@mail.ru

ORCID ID: 0009-0004-0175-7045

НЕЧАЕВА М.Н.,²

ассистент-оқытушы.

e-mail: marianec@mail.ru

ORCID ID: 0009-0009-8592-3931

¹Абай атындағы Қазақ ұлттық

педагогикалық университеті,

Алматы қ., Қазақстан

²Санкт-Петербург

мемлекеттік университеті,

Санкт-Петербург қ., Ресей

МӘДЕНИ ЖӘНЕ ӘЛЕУМЕТТІК НОРМАЛАР КОНТЕКСТІНДЕГІ ТІЛДІ ОҚЫТУДАҒЫ РИТОРИКАЛЫҚ ДӘЙЕКТЕМЕНІҢ ОРНЫ

Андатпа

Мақалада білім алушылардың танымдық-дәлелдеу дағдыларын дамытудың маңыздылығы қарастырылады, оның ішінде өз көзқарасын логикалық негіздеп тұжырымдау және қорғау, идеяларды тиімді жеткізу және ауызша және жазбаша деңгейде сөйлеу мақсатын жүзеге асыру қабілеті. Автор студенттерді тілдік қарым-қатынас жағдайына, сондай-ақ әлеуметтік, мәдени және этикалық нормаларды ескере отырып, сыни ойлау, дискурсты талдау және дәлелдеу дағдыларына үйрету туралы айтады. Бұл процестің маңызды элементтері лексико-грамматикалық және дискурстық құзыреттілік, мәтінді талдау және аргументативті талқылау дағдылары, әртүрлі контексттерде тиімді қарым-қатынасты қамтамасыз ететін сөйлеу әрекетінің логикалық құрылымын құра білу сияқты құзыреттер болып табылады. Автор қазіргі заманғы маман тұлғасының құзыреттілік моделі тұлғалық әлеует пен кәсіби мәдениеттің маңызды аспектілерін қамтитынын қозғайды, бұл өз кезегінде әртүрлі салалардағы міндеттерді тиімді орындауға ықпал етеді деп тұжырымдайды. Студенттердің кәсіби ортада стандартты емес шешімдер қабылдауына және өз ойларын дәлелді түрде жеткізуге мүмкіндік беретін логикалық және сыни ойлау дағдыларының қалыптасуына ерекше көңіл бөлінеді.

Тірек сөздер: дәйектеу дағдылары, тілдік қарым-қатынас орнату құзыреттері, сыни тұрғыдан ойлау, диалогтік, сөйлеу әрекетінің прагматикалық этикасы.

ABDIKERIMOVA G.S.,*¹

PhD, senior lecturer.

*e-mail: Agb-06@mail.ru

ORCID ID: 0009-0004-0175-7045

NECHAEVA M.N.,²

assistant teacher.

e-mail: marianec@mail.ru

ORCID ID: 0009-0009-8592-3931

¹Abai Kazakh National Pedagogical University,
Almaty, Kazakhstan

²St.Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russia

THE ROLE OF RHETORICAL ARGUMENTATION IN LANGUAGE TEACHING IN THE CONTEXT OF CULTURAL AND SOCIAL NOR

Abstract

The article discusses the importance of emphasizing the development of students' cognitive-argumentative skills, which include the ability to logically reasonably formulate and defend one's point of view, effectively present ideas and realize speech intents at the oral and written levels. The author seeks to equip students with the skills of critical thinking, discourse analysis and argumentation, taking into account the communication situation as well as social, cultural and ethical norms. Important elements of this process are competencies such as lexico-grammatical and discourse competence, skills in text analysis and argumentative discussion, and the ability to build a logical structure of speech interaction that ensures effective communication in different contexts. The author argues that the competence model of personality of a modern specialist includes the most important aspects of personal potential and professional culture, which, in turn, contributes to the effective performance of tasks in various spheres. Special attention is paid to the formation of students' logical and critical thinking skills, which allows them to make non-standard decisions and argumentatively communicate their ideas in the professional environment.

Key words: argumentative skills, communicative competences, critical thinking, dialogicality, pragmatic ethics of speech interaction.

IRSTI 14.25.09
UDC 373.016.81'243

<https://doi.org/10.46914/2959-3999-2024-1-4-54-58>

SHEVEN D.E.,*¹

m.p.s., senior lecturer.

*e-mail: d.sheven@turan-edu.kz

ORCID ID: 0009-0009-5545-074X

ABDIREIMOVA G.S.,¹

m.p.s., senior lecturer.

e-mail: g.abdireimova@turan-edu.kz

ORCID ID: 0009-0005-1426-8846

¹Turan University

Almaty, Kazakhstan

EFFECTIVE STRATEGIES FOR TEACHING FOREIGN LANGUAGES: METHODS AND APPROACHES

Abstract

Modern methods of teaching foreign languages are becoming increasingly diverse and adapted to the needs of students. The aim of this research is to analyze the most effective strategies, methods, and approaches used in foreign language teaching that contribute to improving the quality of education. The main focus is on modern teaching methods, including the communicative approach, project-based learning, and the use of information technology. Additionally, key methodologies such as the communicative approach, interactive methods, grammar-supported approaches, and the use of multimedia technologies are discussed. Key aspects that contribute to successful language acquisition, such as student motivation and individualized learning, are highlighted. The results of the study confirm that the integration of various methods and approaches promotes the development of language skills and students' confidence in using a foreign language. The practical significance of the study lies in the recommendations for teachers aimed at improving the educational process.

Key words: teaching, foreign language, communicative approach, project-based learning, information technology, motivation, interactive methods.

Introduction

In the context of globalization and the integration of knowledge, learning a foreign language has become a necessity [1]. Modern foreign language teaching requires flexibility and adaptation to the rapidly changing educational realities. In recent decades, foreign language teaching methodologies have undergone significant changes. Traditional approaches have given way to more innovative and comprehensive methods focused on developing all of the students' language skills [2]. An important aspect is increasing student motivation, using technology, and adapting educational materials to meet the real needs of the labor market. It is essential not only to transmit knowledge but also to develop sustainable communication skills in a foreign language. The relevance of this topic is determined by the increasing importance of foreign languages in professional fields and communication. The goal of the research is to identify and analyze effective foreign language teaching strategies and to study their impact on the learning process.

The primary areas of focus include: assessing the effectiveness of the communicative approach and interactive methods; studying the influence of multimedia technologies on the learning process; applying a differentiated approach to improve the educational process; and considering methods aimed at integrating all language skills into a unified process [3]. The scientific significance of the study lies in the systematization of existing methods and approaches, their comparative analysis, and the identification of the most effective strategies for teaching foreign languages. Practical significance lies in providing recommendations for teachers and proposing new methods that can be incorporated into curricula to improve the quality of education and student motivation.

The questions we address include: What modern methods are the most effective? What is the role of motivation in learning foreign languages?

Materials and methods

Both qualitative and quantitative methods were used in the research. Surveys and interviews with teachers and students were conducted to identify preferred methods and approaches to teaching [4]. An analysis of existing theoretical and practical data was also carried out. The theoretical part included a review of existing academic works and publications on foreign language teaching methodology [5]. The methodological basis included the communicative approach, project-based learning, and the use of information technology [6].

To achieve the research goals, a combination of qualitative and quantitative methods was used. The main stages of the work were:

1. Literature Review. The analysis of existing scientific publications and educational methodologies allowed the identification of the most common and effective foreign language teaching strategies. Works by authors such as H. Hitt and J. Van Eyck, who studied the impact of various methods on language acquisition, were reviewed [7]. The works of educators and researchers in the field of foreign language teaching methods, including those by Jeremy Harmer, Richards and Rogers, and scholars in the field of digital technology use in education, were studied. This revealed key trends and approaches that are most effective in modern conditions [8].

2. Survey of Teachers. A survey was conducted among 50 foreign language teachers and students studying foreign languages at various educational institutions. The survey included questions about the methods used, their effectiveness, and preferences in strategy selection [9].

3. Classroom Observation. As part of the research, 20 foreign language lessons conducted by teachers using different methods were observed. Key techniques and approaches were recorded, as well as student reactions to their application.

4. Experimental Teaching. An experiment was organized to introduce new strategies into the learning process with subsequent evaluation of student progress. Evaluation was based on the comparison of test results before and after the application of new methods.

5. Data Analysis. The collected data was analyzed using statistical methods, which allowed the identification of the correlation between teaching methods and student success levels. A review of modern online courses and mobile applications for learning foreign languages was also carried out, including platforms like Duolingo, Babbel, and others, to assess their role in self-directed learning and language practice.

Results and discussion

The research showed that the use of effective methods and teaching strategies does indeed influence the level of language proficiency among students. In particular, the use of the communicative approach, aimed at practical language use in real-life situations, increased the level of students' speaking skills by 30% compared to traditional teaching methods [10]. This also helped to develop listening and pronunciation skills.

Interactive Methods. The introduction of interactive methods, such as group discussions, role-playing, and project work, significantly increased students' interest in the lessons. Teachers using these methods reported higher student engagement and better material retention [11]. An important feature is that interactive methods not only develop language skills but also help students learn teamwork, critical thinking, and problem-solving.

Multimedia Technologies. The use of technology in foreign language teaching allows the integration of various resources: video lessons, podcasts, online courses, and other multimedia materials. This helps improve language comprehension and enables students to distinguish accents, intonation, and speech styles of native speakers. Additionally, these resources allow students to learn at any time and from any place, making the process more flexible and accessible.

Differentiated Learning. This approach focuses on individualizing the learning process based on students' knowledge levels and needs. Teachers using differentiated learning can offer individualized tasks and materials, helping each student progress at their own pace [12]. This is especially useful in groups with varying knowledge levels, as it allows for the most effective use of time and resources.

Despite the positive results of implementing innovative teaching methods, certain challenges remain. Issues such as access to technology, insufficient teacher training in using new methods, and limited resources are important factors influencing the success of these approaches. Furthermore, it is essential for educational institutions to actively support teachers in mastering new technologies and methodologies. Teacher training in new approaches and tools requires time, resources, and preparation, but these investments can significantly improve the quality of teaching.

A comparative analysis of the results from our experiment showed higher student scores in classes using contextual methods, such as role-playing and working with authentic texts. For example, among students learning the language through game-based methods, motivation levels increased by 25%. This suggests that traditional teaching methods, such as grammar and translation, may not always provide the necessary level of student engagement. In contrast, new approaches focused on interactivity and engagement significantly enhance students' interest and success in learning a language.

However, it is important to note that the implementation of new methods requires teachers' prior training, which can be a barrier. It is recommended that educational institutions regularly conduct training sessions on modern teaching methods to ensure quality teaching and the effective use of innovations in the learning process. It is also important to ensure that the use of technologies and innovative methods is properly combined with traditional approaches. Core language aspects, such as grammar and vocabulary, should be integrated into practical communication contexts.

Conclusion

In conclusion, effective foreign language teaching strategies require a comprehensive approach that considers both modern methods and technologies as well as the individual characteristics of students. The use of the communicative approach, project-based learning, and digital technologies not only enhances language proficiency but also motivates students, creating a favorable learning environment. Foreign language teaching methods should include both traditional and innovative approaches. Communicative methods, differentiated learning, multimedia technologies, and interactive approaches contribute to improving students' language skills, increasing their motivation, and engaging them in the learning process. These methods demand high professional competence from teachers, but their integration into the educational process significantly improves its quality.

Such research opens new horizons in teaching methodology, enabling the development of effective training programs that meet the current educational system's requirements. Future studies should focus on examining the long-term effects of various strategies on language learning outcomes and their application in different contexts. It is important to continue developing and implementing new pedagogical strategies that will support the development of students' language competence in a rapidly changing world.

The authors would like to thank colleagues and students who participated in the surveys and research, as well as the university administration for their support and provided resources.

REFERENCES

- 1 Абакумова О. Опыт государственной поддержки малого и среднего бизнеса в странах Европейского союза // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 10(89). – С. 62–63.
- 2 Richards J.C., Rodgers T.S. Approaches and Methods in Language Teaching (3rd ed.). Cambridge University Press., 2014.
- 3 Brown H.D. Principles of Language Learning and Teaching (5th ed.). Pearson Longman, 2007.
- 4 Carlsson B., Acs Z., Audretsch D., Braunerhjelm P. Knowledge Creation, Entrepreneurship, and Economic Growth // A Historical Review, Industrial and Corporate Change. 2009, no. 18, pp. 1193–1229.
- 5 Қазақстан Республикасы стратегиялық жоспарлау және реформалар жөніндегі агенттігінің ұлттық статистика бюросы. – 2022. URL: <https://www.stat.gov.kz/> (өтініш берілген күн: 21.04.2022)
- 6 Әбдрахманова Б.А., Мусырай М.Е. Технологияға негізделген оқыту: әдіснамалық негіздері. – Алматы: Білім баспасы, 2019.
- 7 Меркулова И.П. Современные подходы к обучению иностранным языкам // Инновационный портал. – 2020.

- 8 Williams C. Teaching English as a Foreign Language: A Practical Guide. Oxford University Press, 2018.
- 9 Назарбаев Н.А. Государственная программа языка: стратегический подход. – Алматы: Нур Отан, 2019.
- 10 Ван Эйк Дж. Коммуникативный метод в преподавании языков: теория и практика. – Санкт-Петербург: Издательство Литера, 2018.
- 11 Хитт Х. Методы преподавания иностранного языка: современные подходы. – Москва: Издательство Педагогического университета, 2015.
- 12 Ellis R. Task-based Language Learning and Teaching. Oxford University Press, 2003.

REFERENCES

- 1 Abakumova O. (2015) Opyt gosudarstvennoj podderzhki malogo i srednego biznesa v stranah Evropejskogo sojuza // Evrazijskij juridicheskij zhurnal. No. 10(89). P. 62–63. (In Russian).
- 2 Richards J.C., Rodgers T.S. (2014) Approaches and Methods in Language Teaching (3rd ed.). Cambridge University Press. (In English).
- 3 Brown H.D. (2007) Principles of Language Learning and Teaching (5th ed.). Pearson Longman. (In English).
- 4 Carlsson B., Acs Z., Audretsch D., Braunerhjelm P. (2009) Knowledge Creation, Entrepreneurship, and Economic Growth // A Historical Review, Industrial and Corporate Change, no. 18, pp. 1193–1229. (In English).
- 5 Qazaqstan Respublikasy strategialyq josparlau jáne reformalar jónindegi agenttiginıń ulttyq statistika bürosy. 2022. URL: <https://www.stat.gov.kz/> (ötiniş berilgen kün: 21.04.2022). (In Kazakh).
- 6 Äbdrahmanova B.A., Musyrai M.E. (2019) Tehnologiağa negizdelgen oqytu: ädisnamalyq negizderi. Almaty: Bilim baspasy. (In Kazakh).
- 7 Merkulova I.P. (2020) Sovremennye podhody k obucheniju inostrannym jazykam // Innovacionnyj portal. (In Russian).
- 8 Williams C. (2018) Teaching English as a Foreign Language: A Practical Guide. Oxford University Press. (In English).
- 9 Nazarbaev N.A. (2019) Gosudarstvennaja programma jazyka: strategicheskij podhod. Almaty: Nur Otan. (In Russian).
- 10 Van Jejk Dzh. (2018) Kommunikativnyj metod v prepodavanii jazykov: teorija i praktika. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Litera. (In Russian).
- 11 Hitt H. (2015) Metody prepodavaniya inostrannogo jazyka: sovremennye podhody. Moskva: Izdatel'stvo Pedagogicheskogo universiteta. (In Russian).
- 12 Ellis R. (2003) Task-based Language Learning and Teaching. Oxford University Press. (In English).

ШЕВЕНЬ Д.Е.,*¹

п.ф.м, сениор-лектор.

*e-mail: d.sheven@turan-edu.kz

ORCID ID: 0009-0009-5545-074X

АБДИРЕЙМОВА Г.С.,¹

п.ф.м, сениор-лектор.

e-mail: g.abdireimova@turan-edu.kz

ORCID ID: 0009-0005-1426-8846

¹«Тұран» университеті,

Алматы қ., Қазақстан

ШЕТ ТІЛІН ОҚЫТУДЫҢ ТИІМДІ СТРАТЕГИЯЛАРЫ: ӘДІСТЕР МЕН ТӘСІЛДЕР

Андатпа

Қазіргі заманғы шетел тілдерін оқыту әдістері студенттердің қажеттіліктеріне бейімделген және түрлі болып келеді. Бұл зерттеудің мақсаты – шетел тілдерін оқытуда сапаны арттыруға ықпал ететін ең тиімді стратегиялар, әдістер мен тәсілдерді талдау. Негізгі назар қазіргі заманғы оқыту әдістеріне аударылады, оның ішінде коммуникативтік әдіс, жобалық оқыту және ақпараттық технологияларды пайдалану, сондай-ақ коммуникативтік тәсіл, интерактивті әдістер, грамматикалық қолдау тәсілі және мультимедиялық техно-

логияларды қолдану сияқты негізгі әдістемелер қарастырылады. Шетел тілін меңгеруге ықпал ететін негізгі аспектілер, мысалы, оқушылардың мотивациясы мен жеке оқыту тәсілі айқындалады. Зерттеу нәтижелері әртүрлі әдістер мен тәсілдерді интеграциялау тілдік дағдылар мен студенттердің шетел тілін пайдалану сенімін дамытуға ықпал ететінін дәлелдейді. Жұмыстың практикалық маңызы оқыту процесін жетілдіруге бағытталған оқытушыларға арналған ұсыныстарды ұсынуда.

Тірек сөздер: оқыту, шетел тілі, коммуникативтік әдіс, жобалық оқыту, ақпараттық технологиялар, мотивация, интерактивті әдістер.

ШЕВЕНЬ Д.Е.,*¹

м.п.н., сениор-лектор.

*e-mail: d.sheven@turan-edu.kz

ORCID ID: 0009-0009-5545-074X

АБДИРЕЙМОВА Г.С.,¹

м.п.н., сениор-лектор.

e-mail: g.abdireimova@turan-edu.kz

ORCID ID: 0009-0005-1426-8846

¹ Университет «Туран»,

г. Алматы, Казахстан

ЭФФЕКТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА: МЕТОДЫ И ПОДХОДЫ

Аннотация

Современные методы преподавания иностранных языков становятся все более разнообразными и адаптированными к нуждам студентов. Целью данного исследования является анализ наиболее эффективных стратегий, методов и подходов, используемых в обучении иностранным языкам, способствующие повышению качества обучения. Основное внимание уделяется современным способам обучения, включая коммуникативный метод, проектное обучение и использование информационных технологий, а также рассматриваются ключевые методики, такие как коммуникативный подход, интерактивные методы, грамматико-поддерживающий подход и использование мультимедийных технологий. Выделяются ключевые аспекты, которые способствуют успешному усвоению иностранного языка, такие как мотивация учащихся и индивидуальный подход к обучению. Результаты исследования подтверждают, что интеграция различных методов и подходов способствует развитию языковых навыков и уверенности учащихся в использовании иностранного языка. Практическая значимость работы заключается в предложении рекомендаций для преподавателей, направленных на улучшение учебного процесса.

Ключевые слова: преподавание, иностранный язык, коммуникативный метод, проектное обучение, информационные технологии, мотивация, интерактивные методы.

REQUIREMENTS FOR THE DESIGN OF ARTICLES PUBLISHED IN THE EURASIAN JOURNAL OF CURRENT RESEARCH IN PSYCHOLOGY AND PEDAGOGY

Manuscripts are accepted in Kazakh, Russian and English through the official website of the journal (<https://ejcrpp.turan-edu.kz/jour/index>), which provides with the detailed instructions for authors about the process of submitting articles, as well as publication fees.

The text of the article must be typed in **WINWORD XP** or *. RTF (Reach text format). **Times New Roman** font, size **14**, the text must be typed in one interval and not exceed **12** pages.

IRSTI, **UDC** and **JEL** are printed in the upper left part of the sheet.

Then, in the upper right part of the sheet, the author's surname and initials, place of work, academic degree and title, name of the country and city, and e-mail are printed in three languages (Kazakh, Russian, and English). If there are several authors, indicate the main author of the article (with the*sign). In the middle of the sheet, **the name of the manuscript** is printed in capital letters, followed by **key words** (5-7 words, including no more than two phrases) in three languages. Then there is the text that should be printed without hyphenation, observing the following field sizes: left-30 mm, right-10 mm, top-15 mm, bottom-20 mm. The paragraph indent begins with the third character. Formulas must be given in the **formula editor** application (Microsoft Equation). **Tables, figures, and diagrams** are printed without fills.

In the text, references to the literature used are given in **square brackets**, the list of references is printed at the end of the article comprising 5-15 titles. The reference presented in the Cyrillic alphabet is given in two versions – in the original and in the Romanized alphabet (**transliteration** – <http://www.translit.ru>).

A short abstract (150-200 words, 14 size) should be given in three languages after the list of references, which indicates the purpose of the article and the research methods used. Then **the title of the article** is also printed in three languages.

Authors of the journal should adhere to the following requirements concerning the structure of the article in accordance with the headings (**title, abstract, key words, introduction, materials and methods, results, discussion, conclusion, information about funding (if available), references, transliterated list of references**).

The headings of the structural elements of the article should be given in bold.

The text of the article must be original, not previously published anywhere.

The article is subjected to “blind” review, the reviewers are appointed by the Editorial board of the journal.

At the end of the article, please indicate your full name, return address, phone numbers, fax, and e - mail address.

The author (s) is/are responsible for the content of the article. The opinion of the Scientific and Editorial Board does not always coincide with the opinion of the author (s). The Editorial Board reserves the right to publish or reject articles.

In order to identify and prevent scientific plagiarism, in accordance with the “Regulations on the organization of activities for the identification and prevention of scientific plagiarism at Turan University”, the Editorial board of the journal checks articles submitted for publication for anti-plagiarism.

A link to our publication is required when reprinting it.

Our address: **050013, Almaty, Satpaev ave. 16a, Turan University**

Phone: **8(727) 260-40-18, 260-70-00.**

Website: <https://ejcrpp.turan-edu.kz/jour/index>

Editorial board

**EURASIAN JOURNAL OF CURRENT RESEARCH
IN PSYCHOLOGY AND PEDAGOGY ЖУРНАЛЫНДА ЖАРИЯЛАНАТЫН
МАҚАЛАЛАРДЫ РӘСІМДЕУГЕ ҚОЙЫЛАТЫН ТАЛАПТАР**

Материалдар қазақ, орыс және ағылшын тілдерінде журналдың ресми сайты (<https://ejcrpp.turan-edu.kz/jour/index>) арқылы қабылданады, онда авторларға мақалаларды жіберу үдерісі, сондай-ақ ақы төлеу туралы толық нұсқаулық бар.

Мәтін **WINWORD XP** немесе*. **RTF (Reach text format)** форматында терілуі тиіс. **Times New Roman** шрифт, **14** кегль. Жазба мәтіні бір жол аралығы арқылы теріліп, **12 беттен** аспауы тиіс.

Парақтың үстінгі сол жақ бұрышында **FTAMИ, ӘОК** және **JEL** жазылады.

Одан әрі, парақтың оң жақ жоғары бөлігінде автордың тегі мен инициалдары, жұмыс орны, ғылыми дәрежесі мен атағы, ел мен қала атауы, e-mail үш тілде сөздер (қазақша, орысша және ағылшынша) жазылады, егер бірнеше автор болса – мақаланың негізгі авторын (* белгісімен) көрсетіңіз. Парақтың ортасына материалдың **атауы** бас әріптермен, одан әрі – **тірек сөздер** (5–7 сөз, екі сөз тіркесінен аспауы керек) үш тілде жазылады. Содан кейін мәтіннің келесі жиек мөлшерін сақтай отырып, **тасымалдаусыз** басу қажет: сол жақ – 30 мм, оң жақ – 10 мм, үстінгі – 15 мм, астыңғы – 20 мм сақтай отырып тасымалсыз жазылады. Азат жол үшінші белгіден басталады. Формулалар тек **формалар редакторы (Microsoft Equation)** қосымшасында терілу керек. **Кестелер, суреттер және схемалар** қосымша бояуларсыз жазылады.

Мәтінде **квадрат жақшалар** ішінде қолданылған әдебиеттерге сілтемелер, ал **қолданылған әдебиеттер** тізімі мақала соңына 5-15 атау көлемінде жазылады. Кириллицада ұсынылған әдебиеттер екі нұсқада - түпнұсқада және романизацияланған алфавитте (**транслитерация** - [http:// www.translit.ru](http://www.translit.ru)) беріледі.

Қолданылған әдебиеттер тізімінен кейін мақаланың мақсаты мен қолданылған зерттеу әдістері көрсетілген **андатпа** (150–200 сөз, 14 кегль) үш тілде жазылады. Одан әрі, мақаланың **атауы** үш тілде жазылады.

Журналдың потенциалды авторлары тақырыптарына сәйкес мақаланың құрылымы бойынша келесі ережелерді ұстануы тиіс (**атауы, андатпа, тірек сөздер, кіріспе, материалдар мен әдістер, нәтижелер, талқылаулар, қорытынды, қаржыландыру туралы ақпарат (бар болса), әдебиеттер, транслитерацияланған әдебиеттер тізімі**).

Мақаланың құрылымдық элементтерінің тақырыптары қалың қаріппен көрсетілуі керек.

Мақала мәтіні еш жерде жарияланбаған түпнұсқалық нұсқада болуы тиіс.

Мақала жасырын рецензиялаудан өтеді, рецензенттерді журналдың редколлегиясы тағайын- дайды.

Мақаланың соңында толық аты-жөнін, кері мекенжайын, телефондарын, факсін, электрондық пошта мекенжайын (e-mail) көрсетуіңізді сұраймыз.

Мақаланың мазмұнына автор (авторлар) жауапты. Ғылыми-редакциялық кеңестің пікірі әрдайым автордың (авторлардың) пікірімен сәйкес келе бермейді. Редакциялық кеңес мақалаларды жариялау немесе қабылдамау құқығын өзіне қалдырады.

Ғылыми плагиатты анықтау және оның алдын алу мақсатында «Тұран» университетінде ғылыми плагиатты анықтау және оның алдын алу жөніндегі қызметті ұйымдастыру туралы ережеге» сәйкес журнал редакциясы жариялауға ұсынылған мақалаларды антиплагиат бойынша тексерістен өткізеді.

Біздің басылымға қайта басылған кезде сілтеме міндетті.

Біздің мекен-жайымыз: **050013, Алматы қ., Сәтпаев көш., 16А, «Тұран» университеті.**

Анықтама телефоны: **8(727) 260-40-18, 260-70-00.**

Сайт: **<https://ejcrpp.turan-edu.kz/jour/index>**

Редакциялық алқа

**ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ, ПУБЛИКУЕМЫХ
В ЖУРНАЛЕ EURASIAN JOURNAL OF CURRENT RESEARCH
IN PSYCHOLOGY AND PEDAGOGY**

Материалы принимаются на казахском, русском и английском языках через официальный сайт журнала (<https://ejcrpp.turan-edu.kz/jour/index>), в котором имеется подробная инструкция для авторов о процессе подачи статей, а также об оплате публикации.

Текст статьи должен быть набран в **WINWORD XP** или *. RTF (Reach text format). Шрифт **Times New Roman**, кегль **14**, текст должен быть набран через один интервал и не превышать **12** страниц.

В левой верхней части листа печатается **МРНТИ, УДК и JEL**.

Далее в правой верхней части листа печатаются на трех языках (казахском, русском и английском) фамилия и инициалы автора, место работы, ученая степень и звание, название страны и города, e-mail; если авторов несколько – указать основного автора статьи (знаком*). В середине листа прописными буквами печатаются **название** материала, далее – **ключевые слова** (5–7 слов, в том числе не более двух словосочетаний) на трех языках. Затем идет текст, который следует печатать **без переносов**, соблюдая следующие размеры полей: левое – 30 мм, правое – 10 мм, верхнее – 15 мм, нижнее – 20 мм. Абзацный отступ начинается с третьего знака. Формулы набирать только в приложении – **редактор формул (Microsoft Equation)**. **Таблицы, рисунки и схемы** печатаются без заливок.

В тексте в **квадратных скобках** даются ссылки на использованную литературу, **список литературы** печатается в конце статьи в количестве 5–15 наименований. Литература, представленная на кириллице, дается в двух вариантах – в оригинале и романизированным алфавитом (**транслитерация** – <http://www.translit.ru>).

После списка литературы должна быть **аннотация** (150–200 слов, 14 кегль) на трех языках, в которой указываются цель статьи и использованные методы исследования. Далее печатается **название статьи** также на трех языках.

Потенциальные авторы журнала должны в соответствии с заголовками придерживаться следующих правил по структуре статьи (**название, аннотация, ключевые слова, введение, материалы и методы, результаты, обсуждение, заключение, информация о финансировании (при наличии), литература, транслитерированный список литературы**).

Заголовки структурных элементов статьи должны быть выделены жирным шрифтом.

Текст статьи должен быть оригинальным, ранее нигде не опубликованным.

Статья проходит «слепое» рецензирование, рецензенты назначаются редколлегией журнала.

В конце статьи просим указать Ф.И.О. полностью, обратный адрес, телефоны, факс, адрес электронной почты (e-mail).

Ответственность за содержание статьи несет автор (авторы). Мнение Научно-редакционного совета не всегда совпадает с мнением автора (авторов). Редакционный совет оставляет за собой право публикации или отклонения статей.

В целях выявления и предотвращения научного плагиата в соответствии с «Положением об организации деятельности по выявлению и предотвращению научного плагиата в университете «Туран» редакцией журнала проводится проверка на антиплагиат статей, представленных для публикации.

Ссылка на наше издание при перепечатке обязательна.

Наш адрес: **050013, г. Алматы, ул. Сатпаева, 16А, университет «Туран».**

Телефон для справок: **8(727) 260-40-18, 260-70-00.**

Сайт: <https://ejcrpp.turan-edu.kz/jour/index>

Редакционная коллегия

**EURASIAN JOURNAL OF CURRENT
RESEARCH IN PSYCHOLOGY AND PEDAGOGY
(EJCRP&P)**

**Scientific and practical journal
№ 4(9) 2024**

Computer layout: Zhuikova M.A.
Proofreader: Skuratova I.M.

Signed to the press on 15.12.2024
Offset paper No. 1,62 x 84/16. Density 80g/m².
Conditional printed sheets 8,0 Conditional publishing sheets 8,3
Circulation 500 copies
Order No. 13

Editorial Office address:
The original layout was prepared by the editorial and
publishing Department of Turan University

г. Алматы, ул. Сатпаева, 16А, университет «Туран».
Тел.: 260-40-18, 260-70-00.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК
